

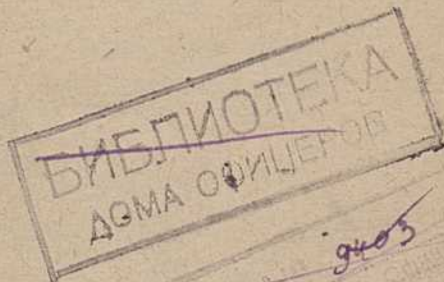
Народный поэт Республики
ЯКУБ КОЛАС

ЯКУБ КОЛАС
Народный поэт Республики

ВОЙНА ВОЙНЕ

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
С БЕЛОРУССКОГО Н. БОГДАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВО
МОСКВА 1938 ЛЕНИНГРАД

Разреш. ГУРК, № 532
от 2 октября 1937 года

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЕД МИКИТА — крестьянин, за 60 лет.
БАБУШКА ТАТЬЯНА — его жена.
МИХАСЬ — сын деда Микиты, солдат запаса.
НАСТЯ — жена Михася.
ГАРАСЬКА — сын Михася, мальчик 9 лет.
АЛЕСЬ — сельский учитель, квартирант деда Микиты.
МАРИНА — учительница, 20 лет.
АСЛАВ — сосед и приятель деда Микиты, заика.
ДУМАКА ПАТАП — шахтер, приятель Алеся.
ДЗЯМЕНЯ ДЕМЬЯН — бобыль.
ДРОБ ПАУЛЮК }
ГУЗЫР АНДРЕЙ } запасные.
ТЭКЛЯ — деревенская женщина.
КАРАЛИНА — полоумная женщина.
СТАРОСТА — крестьянин, 40 лет.
ПОП.
БУХРАЙ — зажиточный крестьянин.
МАКСИМ КУЧЕРЯВЫЙ — большевик-подпольщик.
ШЫШЛО — полицейский урядник.
БУДАН-РЫЛЬСКИЙ — земский начальник, офицер запаса.
ЖУХИН — офицер либерал.
ОФИЦЕР ДВОРЯНИН.
ОФИЦЕР КАДРОВИК.
СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ.

Десятские, солдаты, офицеры, матросы, крестьяне, крестьянки, дети.

АКТ ПЕРВЫЙ

Перед поднятием занавеса слышен женский хор, поющий жатвенную песню.

Середина лета. Деревенская улица. Одним концом она упирается в песчаный берег реки. У берега кое-где наклоненные вербы. Неподалеку от реки — дом деда Микиты. Напротив — дом Аслава. А с л а в *исправляет сети.* Д е д М и к и т а *клепает косу. Берегом идут* М а р и н а *и* А л е с ь, *разговаривают, прислушиваясь к далекой тихой песне.*

А л е с ь *(останавливаясь).* Ты посмотри, Марина, какая тихая и спокойная эта сельская околица. И сколько в ней тревоги и, знаешь, какой-то грустной задумчивости.

М а р и н а. Ты, кажется, впадаешь в лирическое настроение.

А л е с ь. Нет! Я просто хочу сказать... это спокойствие фальшиво.

М а р и н а. Твоя мысль не совсем ясна.

А л е с ь. Я не высказал ее до конца! Слушай, и ты услышишь великую правду.

М а р и н а. Если ты скажешь великую правду, то я провозглашу тебя пророком и первая пойду за тобой.

А л е с ь *(хитро).* Помоги мне, боже, сказать великую правду... Нет!.. Я лучше запишу ее сначала в книжку. *(Достает записную книжку и пишет.)*

М а р и н а. Ну, покажи! *(Заглядывает в записную книжку.)*

А л е с ь *(прячет).* Нет, не покажу. Ты сразу скажешь, что это не такая правда, чтобы провозглашать меня пророком. Нет, нет!

М а р и н а. Ну, покажи.

Алесь. Нет, нет! Не хочу рисковать.

Смеются, проходят.

Аслав (*деду Миките, кивая головой в сторону Алеся и Марины, заикаясь*). И про-гуливаются учитель с учительницей.

Дед Микита. А что им делать, слышь, дурень-брате! Молодые.

На улице показывается Тэкля. У нее в руках серп, перевязанный тряпкой, и кувшин, подвешенный на веревке. Идет быстро.

Аслав (*загораживая ей дорогу, заикаясь*). И не пущу!

Тэкля бросается в другую сторону, пытаясь обойти Аслава.

(*Забегает с другой стороны.*) Сказал не пущу и не пущу.

Тэкля (*не принимая шутки*). Да брось ты. Нет времени шутить.

Аслав. Не, не пущу. Почему ты не сказала «здравствуй»?

Тэкля. Ну, здравствуй, чтоб ты пропал.

Аслав. А теперь уже поздно. Скажи, куда ты идешь?

Тэкля сердито плюет, пытается пройти другой стороной.

Аслав (*снова загораживает дорогу*). Врешь, Тэкля, и не пущу.

Тэкля (*сердито*). А чтоб тебе глаза загородило, как ты мне дорогу загораживаешь! Вот полоумный чорт. Совсем уже сдетинился на старости лет.

Аслав. Скажи, куда идешь, тогда и пущу.

Тэкля. Аславка, родненький, пусти ты меня. Мне совсем не до шуток. Рожь ссыпается в поле. И так поздно выбралась.

Аслав (*опускает руки*). Почему же ты раньше не сказала. А то и сама время проводишь зря и у меня отнимаешь. Ну, иди себе.

Тэкля порывисто идет дальше.

Дед Микита. Ха-ха-ха! Слышь, дурень-брате. Старый ты уже человек, а ребячества все не бросаешь. Ха-ха-ха! Женщина чуть из кожи не выскочит, на поле бежит, а он останавливает.

Аслав. А кто же их уму-разуму научит, если не я? Ты вот смотри, Микита. Вместо того чтобы итти просто и сразу сказать, куда идет, она начинает путаться и хочет обойти препятствие.

Мизансцена первого акта.

[*Постановка 2-го Белорусского государственного театра.*

Дед Микита. Да как же ей, слышь, дурень-брате, и не обходить, когда на дороге вот такой пень, как ты, стоит.

Аслав. А ты сумей перескочить через пень.

Входит Патап, катящий колесо.

Патап. Здравствуйте, дядьки!

Дед Микита. }
Аслав. } Здравствуй, Патап, здравствуй!

Патап *(к Аславу)*. Так ты, дядька, все учишь?

Аслав *(решительно)*. Да, и учу... Вот ты скажи: сколько раз ляжет иголка от Мозыря до Слуцка?

Патап. Твои заковыристые вопросы я знаю. А ты вот что скажи мне лучше, дядька Аслав: почему одни работают много, а живут в беде и нужде, другие же ничего не делают, а живут в роскоши? Скажи, зачем поп и полицейский стражник существуют?

Дед Микита *(Аславу)*. Ну, слышь, дурень-брате, растолкуй.

Аслав. Мудро загадал, мудро... Вот это Думака шахтер.

Дед Микита. А что, Аслав, слышь, дурень-брате, попался?

Аслав *(Патапу)*. Подумать надо, сынок. Мозгами пошевелить надо.

Патап. Подумай, дядька, подумай, да только не говори, что я это спрашивал, потому что за такие разговоры меня уже с шахты прогнали однажды. *(Уходит.)*

Аслав *(деду Миките)*. Задал задачу, злодей, здорово задал.

Из глубины села доносятся звуки бубенчиков. Дед Микита поворачивает голову, прислушивается.

Дед Микита *(с тревогой в голосе)*. А что это, слышь, дурень-брате, за бубенцы там? Из волости едут, что ли?

Аслав. Может быть, несчастье какое везут, чтоб они зубами звонили. *(Размышляет.)* Гм... Зачем поп и полицейский стражник... Если вдуматься, так и не нужны.

На улице заметно движение. Люди забеспокоились. Бежит встревоженный и возбужденный Гараська.

Параська (*запыхавшись*). Приехал какой-то барин да еще на паре лошадей, под бубенцами... Старосту ищет... «Где, говорит, староста? Найти его быстрей!» (*Бежит обратно.*)

Дед Микита. Может, пойти, слышь, дурень-брате, посмотреть? (*Закрывает окно, выходит на улицу.*)

Аслав (*разговаривая сам с собой*). Зачем поп и полицейский стражник? Вот бестия шахтер куда загнул.

Волнение становится заметнее. Показываются люди. За сценою раздается крик: «Беги в поле, зови на сход людей!»

Дед Микита (*встревоженно*). Зачем сход? Слышь, дурень-брате, пойдем туда.

Аслав. Х-э, Микита, если что хорошее, то мы не увидим, не услышим и не понюхаем. А беда сама нас найдет.

Шум за сценою усиливается. Отчетливо слышен крик: «Семен!.. Десятский. Семен-бобыль!.. Беги на колокольню, звони в пожарный колокол».

Дед Микита. }
Аслав. } Пожарный колокол?.. Вот беда!..

Поворачиваются спинами друг к другу, каждый смотрит на свои постройки, потом — в глубину села.

Дед Микита. Ничего не видно.

Аслав. Ни дыма, ни огня.

Дед Микита. Слышь, дурень-брате, здесь что-то не так... Собирать народ пожарным колоколом, это...

Аслав (*пожимая плечами*). Не иначе как нам надо итти туда ближе...

Собираются итти, но их внимание задерживается на женщине в лохмотьях, идущей по улице с узелком за плечами и длинным посохом в руке.

Дед Микита. Кто это, слышь, дурень-брате, идет?

Каралина (*поет*).

Когда ж ты умрешь, дедочек мой,
Когда ж ты умрешь, голубчик мой?

(Аславу и Миките.) Здравствуйте, мужички! Смерть вам низко кланяется. Давно, говорит, жду их в гости.

Дед Микита. Иди, иди, слышь, дурень-брате. Иди, куда идешь.

Каралина. Что же это ты зазнаешься? А-я-яй?!

Дед Микита. Да отстань ты, Каралина!

Каралина проходит дальше. Слышен глухой надтреснутый звон пожарного колокола. Звук его очень похож на крик: «Гвалт, гвалт, гвалт!»

Дед Микита *(испуганно)*. О боже, твоя воля! Что же это такое? В пожарный колокол зазвонили?! Давно мои уши не слышали его.

Аслав. А знаешь, Микита?.. Наверное, княжеский лес горит.

Дед Микита. О, дай бог, чтобы это! Только бы той беды и было. Лишь бы нас не трогало, слышь, дурень-брате.

Шум и тревога нарастают. Снова бежит Гараська.

Гараська. Дедушка, сам земский под бубенцами приехал.

Дед Микита. Вот несчастье!

За сценою голос старосты: «На собрание! Всех зови на собрание. Собираться около дома деда Микиты». Выходят мужчины, женщины и дети. Все испуганы, встревожены. Около дома деда собирается большая толпа. Через толпу протискивается староста, за ним земский начальник Будан-Рыльский, полицейский стражник Шышло и десятские с палками. Будан-Рыльский становится на колоду, возвышаясь над толпой. Народ смолкает. Показывается Каралина.

Каралина. Ха-ха-ха! Говорят, что пожар. А здесь нет никакого пожара. Побросали в поле работу и вздумали какое-то гулянне устраивать... Вот дурные, а чтоб вас...

Шышло *(перебивая ее)*. Замолчи, скотина! *(Бьет ее нагайкой.)*

Каралина, дико осматриваясь, прячется.

Будан-Рыльский *(важно осматривает собравшийся народ. Некоторое время выдерживает молчание).* Слушайте! *(Вынул бумагу, читает отрывисто, с ударением на каждом слове.)* Высочайшее повеление о мобилизации!

Шышло *(громко кричит).* Шапки долой! Императорский указ читают, да, собственно, да!

Мужчины снимают шапки.

Будан-Рыльский *(читает).* «Государь император повелеть соизволил привести армию и флот на военное положение. Первым днем мобилизации назначено двенадцать часов ночи на семнадцатое июля. Во исполнение высочайшего повеления о приведении армии и флота на военное положение: нижним чинам запаса с увольнительными билетами, а не имеющим таковых с видом на жительство явиться на сборный пункт уездного воинского начальника в г. Минск на второй день мобилизации, в шесть часов утра».

Бабка Татьяна. А что это он, мои дорогие, читает? Какая это облизация?

Голос женщины. А лихо его знает! Век прожили, не слыхали.

Будан-Рыльский. Мобилизация означает войну. Не впервые нашей православной армии сокрушать врагов. Мы сокрушим их и теперь. Запасные солдаты! Будьте героями, и наш царь-батюшка не забудет вас. Была уже однажды наша православная русская армия в Берлине, она будет там снова. Так с богом за святую Русь! Я сам иду на войну и буду сражаться вместе с вами...

Алесь *(из толпы).* Не перескочив, не говори «гоп»!

Будан-Рыльский *(возмущенно).* Кто это сказал?!

Шышло подошел к Алесю.

Патап. Я сказал!

Будан-Рыльский. Ты сказал?

Шышло. Он брешет, господин земский начальник. Это отсюда кто-то сказал.

Будан-Рыльский. Урядник! Выяснить — кто, и доложить мне. *(Оглядывая толпу.)* Мы еще поговорим с вами.

В толпе гул неудовольствия. Шышло набрасывается на Патапа, замахивается, чтобы его ударить.

Патап *(тихо, с угрозой)*. Поговорим на войне.

Будан-Рыльский *(не обращая внимания, старосте)*. Вот какие ягодки здесь водятся. А ты, староста, помни: если запасные соберутся не все или не во-время, будешь, как говорится, нести ответственность по законам военного времени.

Шышло. Да, собственно, да! Положение не терпит.

Будан-Рыльский уходит.

(Обходит всех.) Ситуация! Да, собственно, да! *(Подходит к старосте.)* Староста, возьми на заметку этого грубияна. *(Подходит к Патапу.)* Ну, счастье твое, что война. *(Выбирается из толпы. Проходя мимо учительницы, галантно ей кланяется.)*

Некоторое время могильная тишина. Народ, подавленный грозным известием, еще не осознал его. Люди стоят молча, переглядываясь друг с другом. Место Будан-Рыльского занимает староста.

Староста. Вы слышали, мир?.. Всенародно объявлено собираться на войну. Вы слышали, что говорил мне земский начальник и чем угрожал? Так вот, братцы запасные, собирайтесь быстрее, сегодня все должны быть в волости.

Патап. Война!.. Ну, что ж? Воевать, так воевать, только не было б от этой войны жарко или холодно кой-кому...

Голоса из толпы. А с кем воевать?

— За что?

— С каким там чортом воевать?

— Кому эта война нужна?

Староста *(тоном начальника)*. Не наше дело рассуждать с кем, за что и почему, потому что это рассуждение может кончиться очень плохо.

Настя *(обеспокоенная, подбегает к Михасю)*. Михаська миленький... и тебя погонят на войну?..

Михась. А ты думала — в зубы посмотрят? Мои лета не вышли еще. До срока далеко.

Бабка Татьяна *(плачет)*. А мой же ты сыночек! А мой же ты соколик! На кого же ты нас оставляешь?..

Дед Микита. Тихо ты, слышь, дурень-брате. Расплакалась! Помогут тут твои причитания, как кашель при насморке.

Бухрай. А земский начальник правду говорил, хлопцы. Надо воевать. Надо оборонять нашу землю, раз на нее покушаются враги.

Гузыр. О!.. Белобилетники-вояки! А чем я здоровее тебя?

Патап. Да ему и защищать-то есть что: хозяйство — славу богу.

Бухрай. А ты почему не нажил хозяйства? Легкого хлеба ищешь? По всему свету шатался, забастовщик!

Голос женщины. О боже мой, боже! Да куда же вас гонят? Да куда же вас забирают?

Староста. Перестаньте! Тихо! Батюшка что-то сказать имеет.

Поп. Братья и сестры! Велик господь во гневе справедливом! Но и милости его несть меры и конца... Неизведаны пути господни, и не видна нам карающая его десница. Будьте ж тверды, надейтесь на милость божью, помня, что и в гневе своем — война же есть бич этого гнева — господь нам являет милость свою, так как не до конца прогневался он на нас и не отвратил лица своего от нас. *(С пафосом.)* Поднявший меч — от меча да погибнет! Немецкое войско собирается на нашей границе, и в каждый миг огонь войны готов переброситься на нашу державу. Подымайте же высоко карающую десницу. С молитвою, со святою надеждою идите на суд господень, потому что велик наш господь-бог. Помолимся, братие. *(Поднимает глаза к небу.)* Ты есть наш бог и творишь чудеса. Яви свою милость твоему помазаннику, избранному тобою. *(Смотрит на Патапа и Алеся.)* Порази громом и молнией его отступников и супостатов. Приклони ухо твое к православному народу твоему. Разумейте, все языцы, и покоряйтеся, яко с нами бог.

Жены. Ох, боже наш, боже!

Староста. Тихо!

Патап. Потаскал бы солдатскую лямку да подставил бы свою длинноволосую голову под пули — не то запел бы.

Аслав *(вынимая изо рта трубку, попу)*. А-а как же, батюшка, вот это понять: любите врагов своих, благословляйте тех, кто вас ненавидит, платите добром за сделанное зло?

Поп. Аслав, Аслав! Ты мало в церковь ходишь. Злой дух-искуситель помрачил твой разум... Господь сказал: «Несть более той любви, аще кто живот свой положит за други своя».

Аслав. Батюшка! Ты вот что еще скажи: зачем *(замечает взгляд Патапа, сдерживается)*... полицейский стражник?

Староста. Хлопцы, хлопчики, не тратьте зря времени — собирайтесь быстрее. Батюшка молебен отслужит.

Голос. Надо помолиться за наше войско и за царя.

Бухрай *(кричит)*. Молебен батюшка отслужит за христолюбивое воинство.

Народ расходится. Часть идет за попом в церковь. Слышатся голоса: «Вот и дождались беды», «Эх-хе, пришла погибель на народ», «Андрей, Демьян, собирайтесь, вместе пойдем». Остаются Марина, Алесь и Патап.

Алесь *(после паузы, грустно)*. Вот как получается, Патап.

Марина опускает голову, перебирает пальцами кисти шарфа, молчит опечаленная.

Патап. А как взъелся наш вояка-земский.

Марина *(поднимает глаза на Алеся)*. Охота вам была трогать этого солдафона... Ну, и задира вы...

Патап *(с горькой усмешкой)*. Надо же набираться воинственности, идя на войну!.. Сволочь!..

Патап ушел. Пауза.

Марина *(несколько выждав)*. И ты сейчас уйдешь? Придет вечер, и тебя уже здесь не будет... И не думала никогда, что нам так скоро придется расстаться.

Алесь. Расстаться надолго, а может быть... навсегда...

Марина. Оставь, Алесь, эти мысли. Не говори этого. Может, ты еще и не пойдешь на войну... Да ты и в армии не служил. Неужели тебя необученного пошлют на войну?

Алесь. Науки большой здесь и не нужно: помуштруют месяц — и солдат.

Издалека доносится из церкви пение молитвы «Спаси, господи».

Марина *(с болью)*. Какая нелепость, какая дикость — война! Люди!.. Культурные люди двадцатаго столетия не могут найти другого способа разрешения спорных вопросов кроме войны.

Алесь. Если бы на войну под первые пули шли те, кто войну начинает и гонит людей на смерть и уничтожение, то, может, войны и не было бы...

Издалека снова слышится пение: «Спаси, господи»

Эх, война, война, Маринка! Кто вернется с нее,, а если вернется, то каким? *(Смотрит в ту сторону, откуда доносится пение молитвы.)*

Марина *(хватая Алеся за руку)*. Не говори так! Только вернись! Вернись... Алеська, милый мой....

Алесь *(медленно выговаривая слова, как бы испытывая Марину)*. А если я вернусь... калекой... без рук или без ног?..

Марина *(взволнованно)*. Не говори так... Не говори! Я не хочу!

Голос старосты. Собирайтесь, выходите!

Алесь. Зовут! Обрываются последние нити, Маринка!.. Будешь меня помнить?

Марина *(горячо)*. Каждый час! Каждое мгновение! *(Кладет голову на плечо Алеся.)*

Голос. Не тратьте времени!

Алесь. Ну, Мариночка, милая моя, прощай. *(Подает ей руку, целует.)*

Марина. Алеська... Береги себя. Но ты вернешься. Вернешься. Я так хочу... Будь же счастлив и здоров. Пиши мне, пиши как можно чаще. *(Убегает.)*

Алесь *(грустно провожает ее глазами)*. Так близко она — и так далеко... Бездонная пропасть ложится между нами... А кто кладет и для чего? *(Опускает голову, стоит некоторое время задумавшись.)* Пройдена какая-то черта... Как это странно. *(Идет в дом деда Микиты.)*

Некоторое время сцена пуста. Далеко слышна гармонь. Играют на мотив песни: «Ах ты, горе». Идут женщина и крестьянин.

Женщина *(причитая)*. А куда же тебя гонят?

Крестьянин. «Куда, куда»?! Войну какую-то выдумали, вот и гонят.

Женщина. А на кого же ты меня покидаешь?

Крестьянин. Ты смотри, Галена, сына береги, за землей присматривай.

Женщина. Без тебя мне страшно...

Входит Гузыр.

Гузыр. Михась, Михась!

В окне показывается Михась.

Ты собрался? Идем вместе.

Входит Дроб с гармошкой.

Дроб. Идем, брат, за компанию: народ уже пошел.

Михась. Сейчас, брат! Подожди немножко. Чорт ее не возьмет, эту войну, без нас она не обойдется. А то, может, в дом зайдешь?

Гузыр. Мы здесь подождем.

Михась отходит от окна.

Дроб. Давай закурим. Куда так спешить? Чорт их там не возьмет.

Достают кисеты, закуривают.

Гузыр. Провались ты, такая беда.

Дроб. Чтоб ее огонь сжег, эту войну... Сразу, как гром. В самое рабочее время.

Выходит Михась с вещевым мешком, за ним идут Настя, дед Микита. Выбегает бабушка Татьяна.

Бабушка Татьяна. Да что же это мы, как поссорившись!

(Деду Миките.) Надо же было хоть подкрепиться на дорогу да по рюмке выпить. *(Плачет.)* Не в гости ведь идут.

Входит А л е с ь.

Д е д М и к и т а. Голову потерял свою старую. Подождите, детки, слышь, дурень-брате! *(Возвращается в дом.)*

Все останавливаются, ожидая.

М и х а с ь. А правда, ребята... Надо опрокинуть по рюмочке на прощанье. Больше храбрости будет.

Д р о б. Да оно бы не помешало.

М и х а с ь. Так давай; зайдем в квартиру.

Г у з ы р. А мы здесь, по-походному.

М и х а с ь. Ну, давай здесь. Тащи, отец, верстак.

Д р о б снова играет на гармошке. М и х а с ь и Г у з ы р выносят верстак, на котором работает д е д М и к и т а.

Такого, брат, стола на позициях не найдешь.

М и х а с ь, Г у з ы р и Д р о б снимают с плеч мешки и вешают их на забор. Д е д М и к и т а несет бутылку водки, б а б у ш к а Т а т ь я н а — закуску, Н а с т я — скатерть. Быстро накрывают верстак.

Хоть в августе маевку сделаем. Подходи, ребята, ближе.

Б а б к а Т а т ь я н а *(плачет)*. Забирают вас, мои деточки. Кто же мне теперь глаза закроет? Кто мои косточки похоронит?

Д е д М и к и т а *(наливает рюмку, пьет первый, Михасю)*. Будь здоров, сынок. Возвращайся счастливо и скоро домой.

Рюмки переходят из рук в руки.

М и х а с ь *(Алесю)*. Что, профессор, загрустил, выпей.

А л е с ь берет рюмку.

Г у з ы р. Что тужить? Тужи не тужи, а итти надо.

А л е с ь. Так будьте здоровы, мужчины! Пусть тужит тот, кто войну начинает. Да затужит так, чтобы не слезами, а кровью заплакал.

Г у з ы р. Как оно там будет, а итти надо.

Михась. И пойдем. В обиду не дадимся. Покажем немцам, почем фунт сушеного лиха.

Бабка Татьяна. Пусть же вас святой бог хранит. Возвращайтесь здоровенькие.

Михась *(опьянев)*. А я, брат, не лишь бы что: я гвардеец. Повышение дадут, тогда со мной до трех не разговаривай. *(Подает команду.)* Рота справа, во взводную колонну стройся!

Дроб. Командир из тебя хороший.

Михась. А ты что думал? Еще, брат, солдатскую службу помню.

Бабка Татьяна *(вытирая слезы)*. Вот эти мужчины — и война их не пугает. Готовы все забыть и смеяться.

Дед Микита. Ох, боже, боже! Один ты, Микита, слышь, дурень-брате, остаешься.

По краю сцены проходит пожилая женщина с сыном.

Женщина *(причитает)*. А сыночек ты мой миленький, дубочек зелененький. Покидаешь меня одну, как былинку в поле. Уж ни на лугу, ни в поле тебя больше не увижу и никогда тебя больше не услышу.

Ее сын. Не надо, мама.

Дед Микита *(с горечью)*. Эх боже, боже.

По улице проходят запасные с узелками. Их провожают женщины и дети.

Михась *(не сдержав нахлынувшей тоски)*. А ну, Паулюк, заиграй ты на дорогу так, чтобы сам чорт нам позавидовал.

Гузыр. Покажи себя, Паулюк.

Паулюк берет гармошку, начинает играть веселую, залихватскую песню. Все затихают. Михась и его товарищи в такт музыки подергивают плечами, кивают головами, переглядываются. Михась пускается в присядку. Танец его — страшный, с надрывной веселостью, таит большое нарастающее горе.

Дроб. Крой, крой, Михась!

Алесь. Молодец, Михась!

Михась, Гузыр, Дроб танцуют лявониху[1], *к ним присоединяется еще несколько человек.*

Жена Гузыря *(бросается к нему, хватает его за одежду, причитает).* А как же я без тебя жить буду? А кто же теперь нас пригреет? А кто же нас приласкает? А кто ж нас прокормит горемычных? А кто же наше хозяйство присмотрит? Ах, боже наш, милосердный боже. А за что же ты нас наказал бедных?

Гузыр. Наказал... замолчи ты. Довольно тебе скулить. *(Хлопая в ладоши, подпевает.)*

Задрожала наша хата,
Собирая в путь солдата.
Плачут здесь и напевают,
Крестьян... тотчас поминают.
Гонят нас всех на войну
В незнакомую страну.
Ты не будешь там пахати,
Стрельба[2] будет тебе мати,
Стрельба — тещей и женою,
Породнит тебя с землею.
Гонят нас всех воевать,
Лоб под пули подставлять.

Бабка Татьяна и Настя плачут. Проходит еще группа запасных и староста.

Староста *(стучит палкой по воротам).* Ребята, ребятки, в дорогу. Пора, братцы!

Запасные *(с улицы).* Эй, пойдем вместе!

Музыка обрывается.

Дроб *(складывает гармошку).* Собираемся, братцы!

Запасные собирают мешки, узелки, котомки, прощаются. Михась целует отцу и матери руки.

---

[1] Белорусский национальный танец.

[2] Ружье, винтовка.

Михась *(берет Гараську, высоко поднимает, целует)*. Расти, сынок, вот такой. Помогай дедушке в хозяйстве, маму жалей, будь хорошим мальчиком.

Алесь. Ну, дядя Микита, прощайте.

Дед Микита. Прощай, соколик. Ни отец, ни мать не провожают тебя.

Женщины *(плачут)*. Да куда ж вас гонят? Да как же мы теперь здесь жить будем?

Голоса. Бывайте здоровы! Прощайте! Желаем счастливо и скоро вернуться!

Несколько голосов затянули песню: «Последний нынешний денечек».

Женщина. А-а братец родименький, голубочек сизонький, а как же я одна сиротою останусь?

Крестьянин. Держись, держись, сестричка. Война окончится, вернусь целым и здоровым.

Девушка *(подавая подарок)*. Возьми... вышила. Смотри не забудь обо мне...

Парень. Я не забуду. Ты только не забудь, жди меня и не гуляй ни с кем. Вернусь — возьму тебя, а если услышу что-либо... так смотри...

Девушка. Ляксей, мой родимый. Да что ты?.. Да чтобы я что-нибудь такое, — возвращайся скорее только.

Женщина Ах, Микалайка, братец родименький! Нет у меня ни отца, ни матери, и тебя гонят в чужую сторону. А кто же за тобой посмотрит? Кто же тебе рубашку постирает?

Крестьяне } Прощай, сестрица родная! Не тоскуй!
Запасные }

На улице слышна песня: «Последний нынешний денечек». Запасные выходят. Настя с ребенком на руках, взяв Михася за руку, виснет у него на руке. Процессия удаляется, шум стихает. Около дома стоят дед Микита, Аслав и еще двое стариков, понуро опустив головы. Немного поодаль староста смотрит вслед ушедшим запасным. Сзади Демьян, немного выпивший, поет: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка, жалобно поет». Демьян входит один.

Гараська и дед Микита.

Артисты 2-го Белорусского государственного театра Л. Гепнер и Т. Сергейчик.

Староста. Ты что тянешься, как кишка?!

Демьян. Без строгости, староста. Полегче. Ты мне сейчас не хозяин. Я казенный человек, солдат. Что есть солдат? Защитник веры, царя и отечества! А если Демьян возьмется за что, так ну...

Женщина. А сыночек мой миленький, а я же тебя носила, воспитывала, горевала.

Парень. Брось, брось, мамка, плакать, слезы не помогут. Слезами войны не отвратить. Хлеб надо с поля убирать, а то осыплется.

Женщина. Ох, Трофимка! А кто же мне помогать будет? А кто же меня кормить будет? Зачем же эта черная туча? Светило бы нам ясное солнышко.

Парень. Успокойся, успокойся, мамка. Разобьем немца, вернемся с войны.

Женщина падает в обморок. Входит Патап.

Староста *(Патапу)*. Ну, грубиян. Чего медлишь?

Патап. А ты, староста, запиши: вера — попу мера, царь — побоку жарь. Дорогу рабочему шахтеру.

Демьян. И батраку бобылю. *(Играет на гармошке.)*

Народ идет группами. Все поют: «Последний нынешний денечек», женщины плачут.

Гараська *(деду Миките)*. Ох, дедушка, и много же народу ушло из села. И отец ушел и учитель наш.

Дед Микита *(молча, положив руку на голову Гараськи, смотрит на Аслава, кивает головой)*. Так, слышь, дурень-брате, остался лом один — калеки, старые, малые. *(Тяжело вздыхает.)* Э-хе-хе. Взяли наших соколиков, погнали. Куда? Чего? Зачем?

Дед Микита и Аслав стоят молча, опустив головы. Гараська жмется к Миките. Учительница сидит с детьми. Все больше и больше отдаляется песня «Последний нынешний денечек».

ЗАНАВЕС

АКТ ВТОРОЙ

За сценой песня женщин.

Гнутся лозы над крыницей[1]
Да шумят тоскливо.
В поле горе с молодицей
Неразлучно в жниво.

Припев. Заслонила свет война,
А я с детками одна,
С малыми больными;
Тяжело мне с ними.

Веет ветер по над бором
Да колышет жито.
Эй вы, месяц, солнце, зори,
Правду мне скажите:
Где мой бедный горемыка,
Мой солдат родимый?
Голова в тоске поникла,
Белый свет не милый.

Припев. Заслонила свет война,
А я с детками одна,
С малыми больными;
Тяжело мне с ними.

Жив ли он или убитый?
Грусть так сердце гложет.
Что-то шепчет рожь мне тихо,
Да сказать не может.

---

[1] Крыница — ручей.

Все вокруг мертво и немо;
Как окинуть оком?
И узнать я не сумею,
Где невольник-сокол.

Припев. Заслонила свет война,
А я с детками одна.
Горько одинокой,
Грустно черноокой.

ОТКРЫВАЕТСЯ ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Начало весны 1915 года. Та же деревня, около школы. Щиток школьной крыши опускается на круглые выбеленные столбы (колонны) крыльца. По одну и другую стороны крыльца — перила. Вдоль перил — простые деревянные скамейки. Около одной из них стоит стол. На столе газеты, чернильница. Перед школой довольно большой двор. В конце двора перелаз. Через перелаз с улицы во двор входит поп. Идет к крыльцу школы. Берется за ручку двери, толкает. Дверь не открывается. Стучит. Никто не отвечает.

Поп *(недовольно)*. Неужели спит до сих пор? Ушла куда-либо или дома совсем нет? *(Со злостью.)* А может, заперлась с кем? *(Топчется на крыльце, подходит к столу, просматривает названия газет.)* Либералка! Газет, рекомендованных начальством, не читает. *(Вертит укоризненно головой.)* Вольнодумством заражена. Добром это никогда не кончается... Эх, народ, народ! Ищет себе погибели.

У перелаза показывается Шышло с цветами. Идет в школу, замечает попа. Останавливается. Берет по-военному под козырек.

Шышло. Здравствуйте, отец Кондратий!

Поп. А-а, господин Шышло! Мое почтение! И вы сюда? А ее дома нет!

Шышло смотрит в окно, отворачивается.

Шышло *(смущенно)*. Вы, батюшка, да, собственно, да, тоже по делу?

Поп *(лукаво)*. Ай, хитрец какой, Артем Иванович! А если бы и без дела, ну, скажем, как и вы? Не одному же только вам, Артем Иванович, разделять приятность компании Марины Николаевны. А я разве не имею на это права?

Шышло *(подергивает плечами)*. Оно... как сказать, да, собственно, да! Немного мешает духовный сан, ну... и матушка. А затем откуда вы взяли, что у меня дела нет к ней?

Поп *(смеется, хлопает Шышло по плечу)*. Я шучу, Артем Иванович, шучу. *(Меняет тон, тихо, серьезно.)* Вот что я вам скажу: за ней не мешает последить. Вы только посмотрите, какую она прессу читает. *(Показывает газету.)* Орган конституционалистов. И не стесняется бросать здесь, на скамейке. А можете вы сказать, что она читает за закрытыми дверями?

Шышло *(напуская на себя важность)*. Я, да, собственно, да, и не спускаю с нее глаз.

Поп *(насмешливо)*. Вы, может быть, и смотрите на нее внимательно. Но я боюсь, как бы красивая вывеска не закрывала от вас основного.

Шышло *(задетый)*. Не понимаю, да, собственно, да, на что вы намекаете, отец Кондратий?

Поп *(хитро улыбается)*. Дух бодр — плоть немощна. «Блюдите, яко опасно ходите». Женщина — сосуд греха. И, чтобы искусить святых аскетов, диавол принимает образ женщины.

Шышло. Это факт, да, собственно, да! Но ведь и начальство, посылая меня сюда, чем-нибудь да руководилось?! Шышло еще не сказал своего слова.

Поп. А ухо надо держать остро. Слухи крамольные пошли. Растет какая-то скрытая враждебность. А около учительницы народ вертится. Боюсь, чтобы как раз здесь не было ненужных крамольных разговоров. На мне как на пастыре, на вас как представителе власти лежит обязанность поддерживать дух народа и патриотизм. Давайте пройдемся. Хочу кое-о-чем поговорить с вами. *(Берет Шышло под руку, уходят.)*

Входит Марина *с газетами в руках. Садится на скамейку у стола, кладет газеты на стол.*

Марина. Два месяца никаких известий от него. Что бы это могло значить? Или ранен или убит? Продажная шайка казнокрадов! Посылают на убой безоружных людей. *(Опускает голову.)* Почему от него нет писем? Начала писать письмо, но куда посылать? *(Вынимает письмо, пишет.)* «Милый, любимый Алесь! Я так жду твоих писем, я так рада, когда они приходят! Тогда я бесконечно счастлива и на мгновенье забываю этот ежедневный удручающий, полный ужаса отзвук войны. Не весело, мой миленький, здесь. Горе, обиды, бедность. Одна мысль, одно желание: конец бы войне. Народ измучен войной и стихийно выступает с протестом против войны. Почва для работы очень хорошая».

Марина *пишет. Во двор школы входят* дед Микита *и* Аслав.

Дед Микита. Да здесь еще, слышь, дурень-брате, и нет никого.

Аслав. Как же нет? А вот учительница. Здравствуйте!

Марина. Здравствуйте. Садитесь.

Аслав. Не беспокойтесь. Найдем себе место.

Садятся.

Марина. Ну как живете, что хорошего слышно?

Дед Микита. А что у нас хорошего услышишь?

За кулисами плачет Тэкля.

Марина. Кто это?

Дед Микита. Да это Тэкля. Брата ее убили.

Аслав. О, горе наше... Вот пришли, чтобы от вас что-нибудь услышать. Вы же газеты читаете.

Марина. Не все правду и газеты пишут. *(Берет газету. С иронией.)* «Отступаем в полном порядке, занимаем новые позиции, как бы это входит в план нашего штаба». Да как же не будешь отступать с голыми руками?.. Варшава сдана, Осовец бросили и Ковно отдали.

Аслав. Завзятой этот немец — столько городов наших взял.

Дед Микита. И Ковно отдали! Да это уже, слышь, дурень-брате, не так-то и далеко... Проклятая война. И кто ее выдумал?

Аслав. Кто ее, говоришь, выдумал?.. Ох, Микита! Кто нас гнетет, тот нас и сосет.

Дед Микита. Народу много расплодилось на земле. Куда же народ девать? Гони под нож, как скот на бойню. И не будет кому кричать: земли, заработков! Сделается свободно, а помещиков и богатеев чорт не возьмет.

Входит солдат.

Солдат. Добрый день вам.

Дед Микита, Аслав и Марина всматриваются в солдата.

Не узнали?

Дед Микита *(бросается к солдату)*. Михась, сынок, откуда же ты, да как же ты так неожиданно?! О дурень-брате!

Аслав *(также бросается к Михасю)*. Вояка ты наш родной! С того света вернулся?

Михась. Здравствуй, дядя Аслав!

Дед Микита. Совсем вернулся?

Михась. На короткое время... Сам себе отпуск дал. *(Марине.)* Здравствуйте, Марина Николаевна! Вам письмо с фронта. *(Здоровается, передает письмо.)*

Марина узнает знакомый почерк, сразу веселеет. Крепко трясет руку Михася. В ворота вбегает Гараська.

Гараська *(никого не замечает, кричит)*. Дедушка! Староста наш амбар обыскивает. Понаходили ободы и дубки те, что ты из панского леса привез. Тебя ищут. Прячься — арестуют!

Дед Микита. Ах, чтоб его лихорадка трясла! И порадоваться не дают... Да ты посмотри, слышь, дурень-брате, кто пришел!

Михась. Ты что же, постреленок, не узнаешь отца?

Гараська *(радостно)*. Папа! *(Прижимается к руке отца. Михась его обнимает.)*

Михась. Посмотри ты на него, как он вырос!.. Так, говоришь, обыск делают?

Аслав. Без этого никак не обойдешься.

Дед Микита. Ох, беда. Радоваться надо бы, а радость душат. Ох, жизнь наша...

Михась. Ну пойдем, разберемся, в чем там дело.

Все уходят в сторону перелаза. Марина остается одна. Грустно провожает их глазами, молча кивает головой. Поспешно вскрывает конверт. Торопливо пробегает глазами письмо. Некоторые места письма читает вслух: «Наши письма и письма к нам просматриваются военной цензурой. Имей это в виду». Марина отрывается от письма, прислушивается. За воротами слышна песня Каралины.

Каралина *(поет).*

Куда, куда, зайчик, скачешь?
Чего, чего, девче, плачешь?
Зайчик скачет в чисто поле,
У девицы злая доля.

Здравствуй, барышня!

Марина. Как живешь, Каралина?

Каралина. Вот шла и думаю: зайду на минутку... ты не сердись... Нет, нет! Молчи!.. Вижу, все вижу! Мало что я глупая Каралина, а я и гадать умею, я и знахарка. Я, может, и колдунья. Вот кто я. *(Смеется.)*

Марина. Где же ты ходила, что видела?

Каралина. Где ходила, цветочек ты мой? По свету ходила... Солдаты идут... Песни поют, вот весело им. А люди, как дурные, все едут и едут. Остановятся, похоронят дитятко около дороги и дальше едут. *(Кладет на крыльцо палку.)* Вот ты мне скажи что, цветочек мой... Умирают люди, хоронят их... Положат их на похоронные носилки и несут. Так и отнесут всех... Всех снесут... Но останется кто-то один... Последний. Так как же его понесут, этого, что последний останется?

Марина *(сдерживая смех).* Правда, положение его очень трудное. И как ответить на это, не знаю.

Каралина *(внимательно смотрит Марине в глаза).* Не знаешь! Вот же и я не знаю... А может, кто издалека придет и похоронит!.. Нет ли у тебя, цветочек ты мой, кусочка хлеба? Я бы тебе за это погадала.

Марина Хлеба найду. Побудь здесь, я сейчас. *(Уходит.)*

Каралина садится на крыльцо. Кладет палку под скамейку, подносит к глазам ладони рук, внимательно рассматривает их, кивает головой. Неожиданно говорит: «А Петрусь тулуп сжег...» Изредка смотрит по сторонам. Появляется Шышло. Каралина прячется под скамейку. Шышло идет на крыльцо, не замечая Каралины. Посматривает на стол. Перебрасывает газеты, находит письма.

Шышло *(читая первые строки письма)*. «Дорогая, милая, славная Маринка». Очень интимно начинает шельма. А о чем он пишет и кто он такой? Шышло должен знать. *(Кладет письмо в боковой карман тужурки, читает другое.)* «Милый, любимый Алесь...» Алесь?.. Гм... Да здесь роман, да, собственно, да. *(Кладет письмо туда же.)* Счастливое сочетание, когда личные интересы совпадают со служебными. А сейчас Шышло исчезнет. Шышло еще скажет свое слово. Да, собственно, да. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

Каралина *(из-под скамейки)*. Зачем взял чужое? Положи обратно.

Шышло от неожиданности испугался. Каралина вылезает из-под лавки, хватает Шышло за рукав, сама дрожит. Шышло вырывает рукав, с силой толкает Каралину. Каралина падает.

Шышло. Пикни, бешеная ведьма, еще раз — убью! *(Вынимает шашку, замахивается над Каралиной, затем быстро бросается в сторону перелаза.)*

Каралина *(встает и кричит ему вслед)*. Филин! Упырь! Злодей! Ты что взял? Положи! Вернись! У-ля-ля-ля!

Входит Марина с хлебом.

Марина. Что здесь за крик? На кого кричишь, Каралина?

Каралина. Злодей! Шкуродер! Беги, догоняй. Царь полицейский с длинным треплом на боку. Толкнул меня, да еще зарубить хотел. Беги, догоняй.

Марина *(хватается за голову)*. Шышло? *(Торопливо перебирает газеты, ищет письма.)*

Каралина стоит молча, испуганная.

Нет... взял. Несчастная моя голова! Что же я наделала?

Каралина. Я найду его. Найду! Из-под земли выкопаю зверя лютого. *(Берет из-под лавки палку, уходит.)*

Марина стоит окаменев, схватившись за голову. С улицы доносится песня Каралины:

Я не такая, как та другая,
Я высокая и хорошая,
Только доля моя злая.

Марина. Что же теперь будет? Погубила я свою радость. Выдала Алеся. Сама отдала в руки врагов. Что же делать? Погубила Алеся...

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Шышло: крестьянская изба. В углу стоит простой стол. Над столом, под потолком, висят иконы по одну и другую сторону угла. Ниже, на одной из стен, висят портреты генералов. Похвальные листы в рамках, фотографии Шышло. Сбоку стоит простой диван. Небольшой шкаф с графинами разных цветов. Шышло лежит в радостном настроении. Напевает пошлый романс под аккомпанемент гитары.

Шышло. Да, собственно, да, ситуация! *(Вынимает два письма.)* Популярная ситуация. «Блюдите, яко опасно ходите». Да, собственно, да, ходят опасно, ходят, да только не Шышло. Что сказал бы ты, отец Кондратий, если-бы в твои руки попал вот такой клад? *(Выпивает.)* Будь здоров, отец Кондратий. Шышло скажет свое слово. Да, собственно, да. *(Берет недописанное письмо Марины, читает: «Милый, любимый Алесь».)* Какая сердечность: и «милый» и «любимый»! А ты, Шышло, облизывай губы. Вот откуда ее холод. *(Печально качает головой.)* Бесконечно рада, если получит от него письмо. Ей здесь невесело!.. Шышло ведь все делал, чтобы тебе было весело, крамольница. А чем не кавалер был тебе

Шышло! *(От волнения снова приложился к рюмке.)* Вон красавец какой! Мужчина на заказ! Молодой, в полном соку и разве не красивый? Одни усы чего стоят. Но Шышло еще скажет свое слово, да, собственно, да. *(Снова садится.)* Пишет: «Почва для работы хорошая». Какая это почва? Какая такая работа?

Пауза.

Вот где он, ключ к этой работе. *(Потрясает другим письмом.)* «Моя милая, моя славная Маринка». «Моя» и «милая», какая влюбленность! «Моя» и «милая...» *(Читает письма.)* «Очумела и осточертела война, начатая царями и купцами...» Что пишет, вы слышали? *(Читает дальше.)* «...за войну теперь стоят только господа генералы да разная сволочь, что окопалась в тылу, как, например: духовный сыщик, поп Кондрашка, да этот глупый, тупой кабан Шышло...» И меня вспомнил! О паршивец! Пускай себе и глупый и тупой, а вот читаю же твое поганое крамольное письмо. Шпион немецкий! Предатель! И все начистую расписал—неуважение к священной царской особе, подрывная шпионская работа на фронте, наглая пропаганда революции... Вот она, почва их работы! Он там — она здесь!.. Популярная ситуация. Нет, это вам не удастся. *(Берет гитару и снова поет.)* Так вот он какой, твой милый, да, собственно, да! *(Срывается с дивана, бежит к столу.)* Вот Шышло и скажет свое веское слово, да, собственно, да. *(Берет бумагу, пишет.)* «Его высокоблагородию господину приставу 3-го стана». *(Радостно потирая руки, пошел, выпил и снова к столу.)* «Довожу до сведения вашего высокоблагородия, что учитель нашего села Алесь Петрович Шабуро, который вернулся в нашу деревню в прошлом году из Архангельской губернии, куда оный вышеупомянутый был сослан в 1912 году за пропаганду против существующего государственного порядка и за переписку с социал-демократической фракцией четвертой Государственной думы, находясь под моим наблюдением, прислал сейчас с фронта письмо учительнице Марине Кублик. Оный вышеупомянутый Алесь Шабуро...» Вот как пишут образованные люди: «Оный вышеупомянутый». *(Продолжая писать.)* «...Оный вышеупомянутый Алесь Шабуро пишет в этом письме следующее...» *(Идет к шкафу выпить. Стук в дверь.)* Кто там? Заходите. *(В две-*

рых показывается Марина, взволнованная, старается быть спокойной. Шышло поперхнулся водкой, незаметно прячет письма.) Ситуация! А, сделайте милость, садитесь. Как раз я о вас думал. *(Расшаркивается перед ней.)* Что же это привело вас в мою резиденцию? Да, собственно, да!

Марина *(строго)*. Бросьте, Артем Иванович, играть в святую невинность. Хорошо знаете, зачем я к вам пришла.

Шышло. Откуда же мне, да, собственно, да, знать, что может притти в голову красивой девушке?

Марина. Давайте проще и ближе к делу.

Шышло *(сел)*. Я вас слушаю. Да, собственно, да.

Марина *(горячо)*. Я вас прошу как человека, у которого есть сердце и хоть капля человечности: отдайте письма, которые принадлежат мне и которые нечестно, извините, взяли вы у меня.

Шышло. А вы думаете у полицейского Шышло нет сердца, да, собственно, да? Оно есть! Есть сердце у Шышло, и это сердце давно жаждет вашего сердца. *(Смотрит в лицо Марины. Ближе пододвигается к ней.)*

Марина *(отходит от него)*. Так докажите это на деле: верните мне мои письма, и я тогда признаю свою несправедливость в отношении вас.

Шышло. Приятно слышать из ваших прелестных уст, да, собственно, да! Но имею ли я право отдать вам эти письма? Они принадлежат ни вам, ни мне, а закону. *(Приглушенно, голос прерывается.)* Марина Николаевна, Мариночка! Рыбка! Многое зависит от вас самих. Для вас лично сделаю все. *(Кладет свою руку на ее руку.)* Но сначала... Я же вас люблю! Сначала... задаточек...

Марина отступает.

Вот они здесь, эти письма. *(Хлопает по карману.)* Мы здесь одни. *(Смотрит на стены.)* Боги, царь и генералы будут молчать, а Шышло поддержит Шышло. *(Подходит ближе, Марина стоит неподвижно. Это придает смелость Шышло. Он протягивает руку, чтобы обнять Марину.)*

Марина *(порывисто)*. Не смей прикасаться ко мне!

Шышло *(расстегнув китель)*. Так ты еще брыкаться здесь бу-

дешь? Нет, дудки, не на такого напала! (*Хватает Марину за талию.*)

Марина (*отбивается*). Прочь, мерзавец! (*Бросает в лицо солонку.*)

Шышло. Шышло свое возьмет! (*Не выпуская Марину из рук, тянет ее к дивану.*)

Марина хватает рукой Шышло за горло, другой рукой нащупывает наган Шышло. Вырывается из его рук, отбегает к дверям, наводит на Шышло наган. Шышло столбенеет.

Марина. Тронься с места, застрелю!

Шышло (*трусливо осматривается*). *Я... я... пошутил. Простите...*

Марина. Становись на колени!

Шышло. О-о-опустите наган. Вы же и обращаться с ним не умеете. Нечаянно убьете человека.

Марина. На колени!

Шышло приседает и становится на колени.

Доставай из кармана письма и бросай их мне сюда.

Шышло. Опустите наган. У вас же руки дрожат! (*Расстегивает тужурку.*)

В этот момент тихо открывается дверь и входит поп. Останавливается на пороге.

Поп. Да воскреснет бог... (*Хватает Марину за руку.*)

Марина испугалась. Наган неожиданно стреляет в пол. Поп и Шышло бросаются на землю, Марина выбегает.

Шышло. Спасайте меня, отец Кондратий!

Шышло и поп лежат некоторое время молча.

Поп (*подымает голову*). Что сие значит?

Шышло (*встает, садится, оглядывается*). Ситуация! Шышло был уже на том свете. (*Набирается смелости, показывает попу письма.*) Но Шышло еще скажет свое слово. Да, собственно, да! (*Подбегает к окну, свищет в свисток.*)

ЗАНАВЕС

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1916 год. Окопы. Взрывы снарядов. Отряд отбивает атаку немцев. Впереди поручик Жухин *в смертельном страхе прячется за камнем, прижимаясь к земле.*

Жухин *(приглушенно, порывисто передает команду по цепи).* Передать по цепи — готовься к контратаке.

Ближайший солдат, *которому передает команду* Жухин, *молчит.*

(Нервно повторяет.) Передавай по цепи — готовиться к контратаке.

Солдат *не отзывается.*

(Подползает к солдату, толкает его.) Слышишь команду? Передавай по цепи — готовиться к контратаке.

Солдат *не отзывается.*

(Пугается.) Убит! *(Отползает от него к соседнему солдату.)* Передавай по цепи — сейчас идем в контратаку.

Голос. Готовиться к контратаке.

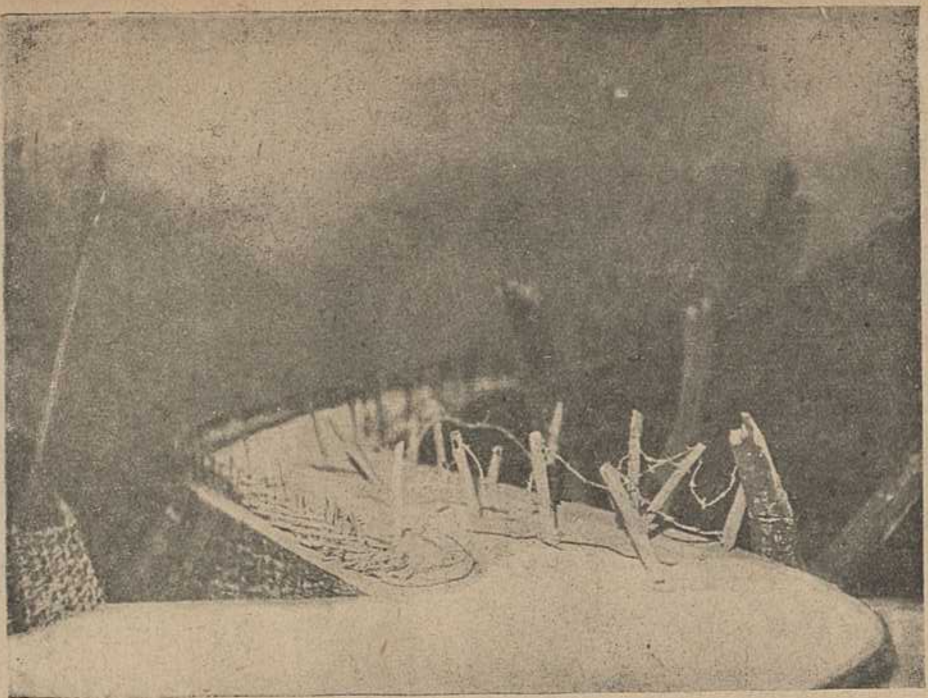
Жухин. Усилить пулеметный огонь.

Голоса. Патронов нет.

— Патроны все вышли.

Жухин. За мной, братцы, ура!

Солдаты *вскакивают, с дикими криками «ура» бегут вперед, сбиваясь в один поток. Некоторые лежат неподвижно: убитые, раненые. Треск выстрелов смешивается с надрывным, ужасным криком. Крик*

Макет первой картины третьего акта.

Постановка 2-го Белорусского государственного театра.

отдаляется, переходит в стон: «а-а-а». Наконец, затихает совсем. Тихо. На некоторое время сцена пустеет. Слышны только разрозненные выстрелы. Пауза. Отряд, сильно поредевший, возвращается под прикрытие.

Жухин *(командует.)* Под прикрытие!

Солдаты сползают друг за другом.

Взвод, стой! Вольно! *(Осматривает поредевший взвод.)* Ну-с, ребята, здесь нам отдых. Взводный! Представить мне список убитых, раненых и пропавших без вести.

Слышатся голоса: «Привал...» — «Грей землюшку своим телом». Входит Будан-Рыльский.

Жухин. Разрешите доложить! Господин капитан, атака отбита.

Будан-Рыльский. Вольно! *(Идет мимо убитых.)* Вынести! Вынести! Вынести!

Патап *(идет, споткнулся о труп, труп зашевелился).* Живой еще! Живой! Макар, милый!

Стон.

Ваше высокоблагородие, еще живой!

Будан-Рыльский *(видит в глубине труп, но не слышит слов Патапа).* Подобрать!

Патап. Подобрать легче, чем вылечить! Гузырек, давай скорее сестру, родной!

Гузыр выбегает. Стон.

Воды, хлопцы! Кровь остановить надо. *(Рвет рубашку и делает перевязку.)* Осторожнее, братцы, легче!

Гузыр *(вбегает).* Найдешь ты эту сестру, когда она нужна!

Патап. Носилки, Гузырик!

Гузыр. Нет, искал.

Патап. Хлопцы, винтовки в руки с двух концов взять. Живо!

Будан-Рыльский *(со злостью).* Кто тут командует?

Патап *(волнуясь).* Это!..

Будан-Рыльский. Что?!.

Патап (*взяв себя в руки*). Это больной в горячке команду подает.

Будан-Рыльский. А-а-а!..

Патап. У-у-у. Будан — грязное рыло.

Выносят раненого.

Дроб (*осматривается, выбирает место, бросает на землю амуницию*). Эх, будь ты трижды проклята!.. Ходите, хлопцы, в гурт, веселей будет!

Патап. Распрягайся, снимай солдатский хомут. Иди, профессор, к нам: пустим дымок, чтобы дома не журились.

Алесь молча подходит.

Ну, вот и вся наша загаруйская фамилия.

Достают кисеты, курят цыгарки.

Гузыр. Закурить хорошо, когда сытно покушаешь. А жевать-то у нас нечего.

Патап. Походная кухня еще не приехала. Живем по-шляхетски: пополам клецку.

Гузыр. А по мужицкому счету — по три клецки во рту. Чечевички приготовят. Раньше ею кормили лошадей, да перестали: шерсть начала вылезать. А теперь солдат чечевичку хлебай.

Все хором тихо поют песню: «Эх, ты, горе». Во время песни один из солдат говорит соседу, вынимая письмо: «Письмо из деревни получил от жены. Продали корову за долги, беда пошла, разруха. Маленький ребенок с голоду умер».

Дроб (*тупо уставившись в землю*). И так со дня на день, из ночи в ночь уже два года... И никакого просвета.

Песня затихла.

Когда же этот конец?..

Алесь. Не тужи, дружок. Нет на свете ничего, что бы не имело своего начала и конца.

Патап. Жарь, профессор, лекцию, да повеселей. Обманывай живот, чтобы есть не хотелось.

Гузыр (*скептически*). Не обманешь.

Дроб (*Алесю*). А с концом как же?

Алесь. А вот что я тебе на это скажу: стояла в саду яблоня, завелся на ней червяк и поточил все ее плоды. Осталось вверху одно яблоко, — утешение и последняя надежда яблони. И вот видит она — ползет червяк, чтобы и последнее яблоко подточить. С горя, от страха, от беды и от злости встряхнула тогда яблоня всеми листьями. Поднялся ветер и отбросил червяка на голую дорожку. А там садовник растоптал его ногой. Вот и все.

Дроб. Научился ты в школе детям сказки рассказывать. Ты мне просто скажи.

Алесь. А ты подумай, дружок. Не все что просто, можно сразу показать. (*Запевает.*)

Тучки темные, тучки грозные
В поднебесьи плывут.

Хор.

Гэй, гэй, охо-хо,
В поднебесьи плывут.

Запевало.

Наши храбрые стрелочки
Сели в поле отдохнуть.

Хор.

Гэй, гэй, охо-хо,
Сели в поле отдохнуть.

Слышен певучий женский голос. Солдаты смолкают, прислушиваются. Смех прерывает последний куплет.

Женский голос. Ну, что вы говорите? Не поверю!

Мужской голос. Серьезно, милая сестрица! Вы, как говорится, ангел, посланный богом в пекло войны.

Гузыр. Не наш ли это новый ротный, земский начальник?

Женский голос. Как красноречиво вы говорите, но я не допускаю такой скоропалительности.

Мужской голос. А между тем это святая правда, как правда и то, что я капитан Будан-Рыльский.

Солдаты переглядываются.

Дроб. Вояка: и на немцев в атаку гонит, и сам идет в атаку на бабу.

Будан-Рыльский *(приближается)*. Вы, может быть, хотите доказательств моей правдивости и моих слов? Так вот они.

Некоторая заминка, возня, легкие вздохи.

Патап *(иронически)*. Атакуется командная высота. *(Узнав сестру.)* Вот она где, сестрица милосердия. Это вместо того, чтобы больных смотреть. *(Подмигивает, а затем подымает палец кверху, отходит и становится на-вытяжку.)*

Женский голос. Ах, ваши губы порохом пахнут. Люблю запах пороха.

Показывается Будан-Рыльский с сестрой под руку. Патап подает команду.

Патап. Встать! Сми-и-иррна!

Сестра *(вздрагивает)*. Ах!

Будан-Рыльский. Чего, дурак, горланишь? Во время отдыха команда «встать» и «смирно» при появлении начальства не подается.

Патап. Виноват, ваше высокоблагородие!

Гузыр. Ваше высокоблагородие! Голодные мы! Деревня пустая, продуктов нет.

Будан-Рыльский. Знаешь солдатскую службу? Хочешь есть — затяни туже ремень на животе. А не поможет, соси свои пальцы. *(Проходит под руку с сестрой.)*

Сестра *(за сценой)*. Какой вы строгий! Боевой офицер!

Будан-Рыльский. Наглеть начинает солдатня, дай только им волю... Зайдем, сестрица, ко мне в землянку, посмотрите, как говорится, на мою боевую обстановку.

Гузыр срывается с места, хватает винтовку, бросается вслед за Будан-Рыльским и сестрою. Патап хватает Гузыря за плечи.

Патап. Стой! Ты куда?

Гузыр *(не помня себя, вырывается)*. Пусти! На штык посажу сволочь. Покажу ему наглость.

Солдат. А проучить белую кость не мешало бы.

Голоса. Шкуру бы драть с таких подлецов.

Алесь *(не пускает Гузыря. Говорит твердо)*. Не сходи с ума. Что ты докажешь этим?

Алесь, Патап и Дроб окружают Гузыря.

Патап. Брось, Андрей, не делай глупостей. Припрячь свою злость на потом. Бури ты не подымешь этим. Из-за одной такой стервы... не стоит! Давай свою кочергу!

Гузыр *(отдает свою винтовку. Со злостью)*. Первая пуля в его поганую мозговню.

Алесь *(мягко)*. Не надо, дружок, горячиться.

Дроб. Много уже их, поганцев таких, брали на мушку. Да толку не было, и терпел наш брат.

Солдат. И будет терпеть, если спускает.

Патап *(серьезно)*. Не горячитесь, хлопцы, и не бросайтесь в омут головой, не подумавши. Одна ласточка весны не делает.

Входит Демьян.

Демьян *(останавливается, осматривает всех)*. Здорово, земляки, орлы боевые! Что за шум, а драки нет? Приласкай вас теплая ручка и мягкая постелька.

Появление Демьяна вносит оживление.

Дроб. А, Дзяменя. Что нового принес?

Патап. Здорово, болтун, где ходил?

Алесь. Что слышал?

Демьян *(отмахивается руками)*. Что у вас? *(Замечает понурые лица Гузыря и других солдат и хочет развеселить их.)* Что у вас за мода толкать человека? Когда мне было семь месяцев, так я уже

в материнской утробе толкался ногами: думали, что из меня барабанщик выйдет.

Патап. А вышел болтун-болболтун.

Демьян. Молчи, шахтер, угольная голова. Дай мне про себя рассказать. Понесли меня кумовья к попу крестить. Спрашивает поп, как назвать. Кумовья и говорят: «Баян». Поп был глухой, недослышал и записал: «Демьян».

Патап. А все-таки самое подходящее тебе имя «болтун».

Все смеются, даже Гузыр улыбнулся.

Демьян *(укоризненно качает головой)*. Если бы я не болтал, так вы бы здесь со скуки зашлись.

Патап. *(глядя на повеселевших Гузыря и Дроба, дружески хлопает Демьяна по плечу)*. Верно! Болтай, болтай, браток. Тетерев всегда болтает к плохой погоде.

Демьян *(многозначительно)*. А может, и к хорошей погоде?

Алесь. О, если бы устами младенца истина заговорила!

Голоса. Расскажи, что слышно на твоей линии?

Демьян. Как видно, зимовать будем здесь. *(Алесю.)* О тебе, брат Алесь, справлялись в канцелярии полка.

Алесь *(обеспокоенно)*. Как справлялись?

Демьян. Ищут по ротам... рядовой Алесь Петрович Шабуро... Есть ли, спрашивают, такой?

Алесь *(встревоженно)*. Вот еще беда, елки-палки, зачем я им нужен?

Патап. Может, для посылки в школу прапорщиков? Ты же человек ученый.

Алесь. Не нравится мне, когда солдатом канцелярия полка интересуется. Ты, Дзяменя, разнюхай об этом.

Демьян. На то же и нос, чтобы нюхать, а если Дзяменя возьмется за что, так ну!..

Показывается солдат.

Солдат. Эй, поднимайтесь с постели, горячие хреновины поспели.

Кухня приехала.

— Котелки берите.

— Не напирай, хлопцы.

Солдаты поднимаются, звенят котелки, выходят, остаются Демьян, Патап и Алесь.

Алесь. Эх, елки-палки... признаться, взволновал ты меня, Демьянка. Боюсь, чтобы не узнали там.

Патап *(с тревогой в голосе)*. Ты думаешь?

Алесь. Давно, дружок, сказано: «Нет ничего тайного, что бы не стало явным».

Демьян. Если правду сказать, то и я немного об этом подумал.

Алесь. Важно, чтобы не захватили неожиданно. А ты, Демьянка, покопайся в этом деле и разведай, в чем там оно. Вот что, хлопцы, на всякий случай. У меня еще остались воззвания «Война войне». Вот они. Передал их мне подпольщик Максим Кучерявый.

Патап. Воззвания хорошие, их надо распространять среди солдат разных частей. Да так, чтобы от этого польза делу была.

Демьян. Давай их мне, ни одно не пропадет. Уж если возьмется за что Демьян, так ну!..

Алесь достает из ватной куртки пачку бумаги, передает Демьяну.

Демьян *(прячет ее в патронташ)*. Царь-батька патронов не дает, так я воззвания сюда положу вместо патронов.

Алесь. Патроны эти хорошие, а теперь, хлопцы, ужинать. Захватите и на мою долю. Идите, я сейчас за вами.

Демьян. Уж если Демьян возьмется за что, так ну!..

Патап и Демьян выходят. Алесь остается один. Некоторое время сидит молча, обняв колени руками.

Алесь. Хуже всего, что ничего не знаешь, и так и эдак думается. Справлялись, в какой роте нахожусь... Для чего справлялись?

Входит Патап с едой для Алеся.

Патап. Ты, брат профессор, запиши: плюнь и не тревожься, в обиду тебя не дадим. На, похлебай. *(Выходит.)*

Алесь. Эх, вымотали нервы за эту подлую войну... Нет, го-

лубчики, не довести вам войны до победного конца! Я погибну, тысячи погибнут, а ход событий пойдет своей дорогой. *(Поет.)*

Ночка темна, я боюся.
Проводи меня, Маруся.

Тьфу, какая пошлая песня лезет в голову. Ее только и услышишь здесь от офицерья и сестер-вертихвосток.

Из темноты выплывает силуэт человека в шинели.

Кто идет?

Человек в шинели. Простите, земляк, не скажете ли мне, где расквартирована девятая рота?

Алесь. А вы кто такой?

Человек в шинели. Я прибыл с эшелоном из тыла. Ищу своего земляка, знакомого.

Алесь. В каком он взводе?

Человек в шинели. Был в третьем.

Алесь. Как его фамилия?

Человек в шинели. Шабуро, Алесь Шабуро.

Алесь. Шабуро? Был такой. *(Про себя.)* Неужели меня ищет? Был такой, но, кажется, его сейчас нет.

Человек в шинели. Нет?.. А где он?..

Алесь. Рота недавно вышла из боя. *(Смолкает.)*

Человек в шинели бессильно опускается на землю, с его плеч сползает шинель, из-под шинели видна женская жакетка с белым нагрудником и красным крестом. Алесь протирает глаза, подходит вплотную, осторожно сдвигает со лба незнакомого солдатскую шапку.

Алесь. Марина?

Марина *(смотрит в лицо Алесю)*. Алесенька, милый, это ты?! Ты же насмерть перепугал меня, я думала, что ты убит. *(Склоняет голову на грудь Алеся, вздрагивает от приглушенного плача.)*

Алесь. Не снилось и не мечталось встретиться здесь с тобой. Успокойся, Маринка...

Марина. Наконец, я нашла тебя. Ты жив и цел.

Алесь. Никак не надеялся... Но как же ты, Маринка, отважилась, как же попала сюда?

Марина *(виновато опускает голову)*. Несчастье, Алесь, погнало меня сюда.

Алесь. Несчастье?! Что случилось?..

Марина. Ты помнишь письмо, которое прислал мне через Михася? Оно у Шышло, в руках полиции.

Алесь *(после паузы)*. Теперь мне ясно, почему спрашивают обо мне в канцелярии полка и ищут по ротам.

Марина. Надо бежать. Меня Шышло тоже ищет, поэтому я сейчас не Марина Кублик, а Ирина Загайская. Я записалась в сестры в полевой солдатский госпиталь, чтобы скорее найти тебя и сообщить об опасности.

Алесь. Милая моя, славная, теперь подумаем, как быть. Знаешь, Маринка, на какую ты меня мысль навела переменой своей фамилии? А что если я запишусь в список убитых? Взводный — свой человек, солдаты — свои люди, так пусть умрет живой Шабуро, а на его место оживим убитого Макара Макарука. Идея хорошая. Ты будешь вместо Маринки — Иринкой, а я вместо Алеся — Макаром. А бежать мне некуда, и бежать я не могу и не смею.

Марина. Почему?

Алесь. Я должен вести работу среди солдат.

Марина. Какая там работа, когда тебя ожидает арест и, может быть, расстрел?

Алесь. Мы должны пропагандировать **идею поражения царской** России в этой войне.

Марина *(с жаром)*. Что ты говоришь?.. Если не жалеешь себя, то пожалей меня. Беги, беги отсюда, пока не поздно, или ты боишься дезертиром стать?.. Отойди хоть на некоторое время от своей роли, взвесь еще раз холодным рассудком... Слушай, Алесь, мне страшно выговорить это. Не ошибаешься ли ты, став на путь поражения?.. Враг приставил нож к сердцу России.

Алесь. Не стоило искать меня, чтобы сказать такую истину. Я давно перестал ей верить, и если Россия, — обрати внимание, царская Россия, — будет поражена в сердце, то я буду только при-

ветствовать это. Поражение России — это поражение царизма. Меня держит здесь не боязнь дезертирства с фронта, а дело, которое мне поручено выполнить. Если ты любишь и уважаешь меня, так полюби и то дело, которое я люблю.

Марина. Я люблю тебя, Алесь, но я люблю и правду; но где же она, правда?

Алесь. Ты спрашиваешь, где правда? Я пришел к ней. Патап тоже... Тысячами дорог, через свои мучения и мучения миллионов, через их бедность, бесправие, слезы и кровь... Она теперь ясна для нас: через революцию буржуазно-демократическую к революции социалистической. Ты веришь в эту правду?

Марина *(опускает голову, несмело, тихо)*. А если эта правда пойдет дорогой еще большей крови?

Алесь *(сурово)*. Все равно, какою бы дорогой ни шла, лишь бы пришла.

Марина. Война сделала тебя жестоким человеком, Алесь.

Алесь *(мягко)*. Ты ошибаешься, Марина. Война научила меня еще больше любить человека, и если ты теперь говоришь так, то голос твой долетает ко мне издалека.

Марина *(с горькой обидой)*. А долетал ли он к тебе хоть когда-нибудь?

Алесь *(с горечью)*. Зачем делать такие упреки, Марина? Будь откровенна сама с собой... Такое тогда было время, что мы вместе ждали революции и делали все, что могли, чтобы приблизить ее.

Марина. Признаюсь, Алесь милый, что я раньше всегда понимала тебя, а теперь ты говоришь каким-то чужим языком. Пойми, я боюсь, что революция во время войны приведет страну к гибели.

Алесь. Царские министры то же самое говорят... Сначала мир, а потом реформы.

Марина. А ты ни капельки не имеешь ко мне жалости, Алесь. Встреча с тобой, которой я так ждала, из-за которой я так мучилась, принесла мне не радость и спокойствие, а горе и тревогу. Разве я могу быть спокойной, когда тебя ищут, чтобы арестовать? Ты один во всем мире близкий мне человек, а стал каким-то не-

понятным, далеким. Дороги же у меня нет, мне только и остается итти одной, одиноко...

Голос Ж у х и н а: *«Правое плечо вперед, марш!»* М а р и н а, *испугавшись, выходит.*

А л е с ь *(бежит за ней)*. Марина, обожди, остановись, Марина!

Входят взвод солдат, Ж у х и н *и первый офицер.* А л е с ь, *увидев вошедших, возвращается, не догнав* М а р и н у.

Ж у х и н. Ну вот, отдохнули, подзакусили.

Д е м ь я н. Нет, ваше высокоблагородие, отдыхать нельзя... Нам надо родину от врагов защищать, чтобы чужеземная нечисть на святую российскую землю не вступала и не поганила наше небо.

Ж у х и н *(радостно)*. Ну, ну!

Д е м ь я н. И только тогда, когда славные солдаты, верные сыны нашего батюшки-царя, победят поганого врага...

Ж у х и н *(в восторге)*. Тогда?..

Д е м ь я н. Тогда можно будет отдохнуть.

Ж у х и н *(в восхищении)*. Спасибо!

Д е м ь я н. Рад стараться!

Ж у х и н. Давно не слышал я таких правильных и преданных слов. Давно! *(Обращается к первому офицеру.)* Кто сказал, что у русского солдата нет веры, что он воюет, не зная, за что? *(Крепко жмет руку Демьяну.)*

Все смотрят на Д е м ь я н а, *еле сдерживая смех.*

Д е м ь я н. Так точно, ваше благородие!

Ж у х и н *и первый офицер уходят.*

(В сторону.) Русский солдат начинает понимать, за что ему надо воевать.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Перед весной 1917 года. Офицерская землянка. В землянке Будан-Рыльский, командир батальона, капитан, подпоручик Жухин и несколько офицеров. Сбоку, около землянки, наверху, стоит Демьян, приложив ухо, подслушивает.

Будан-Рыльский. Вам известно, господа, что монархия пала. Власть перешла к Временному правительству. Мы, как говорится, не политики, мы — военные люди. Наша задача — сохранить боеспособность армии, а наш полк имеет нехорошую славу. В девятой роте в свое время вел свою предательскую работу рядовой Шабуро, письмо которого было перехвачено в тылу полицией и послано в штаб полка. Этот предатель, к счастью, числится в списке убитых, и дело о нем прекращено...

Демьян *(улыбается, подмигивает, про себя.)* Живой и по сегодняшний день, и дело его теперь не в канцелярии полка, а у Демьяна, вот здесь в кармане. *(Хлопает рукой по карману.)*

Будан-Рыльский. Господа! Но хуже всего то, что рядом с Временным правительством организуется так называемый Совет рабочих и солдатских депутатов. Он выпустил, с позволения сказать, приказ № 1. Приказ этот — начало развала армии. Ни в коем случае не показывать его солдатам и не говорить им о нем.

Демьян *(про себя)*. Нет, брат, приказик этот мы из-под земли выкопаем.

Будан-Рыльский. Давайте, господа, обсудим положение. Оно вынуждает искать новое мероприятие — выход из создавшегося положения. Ваше слово, господа. *(Садится.)*

Некоторое время офицеры молчат.

Офицер дворянин *(иронически)*. Эпиграфом к моей речи могут служить слова романса:

Я угасаю с каждым днем,
И злобы в сердце нет моем.

А самую речь скажу так:

Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

Будан-Рыльский. И это, поручик, все?

Офицер дворянин. А больше что сказать? Положение, я бы сказал, замысловатое и безнадежное. Не во-время революция...

Жухин. А правильно ли будет, господин капитан, не показывать солдатам приказа № 1? Как можно спрятать документ, который официально опубликован по армии? Это может вызвать только еще большее недоверие к офицерам со стороны солдат.

Демьян. А какой чорт когда вам верил?

Будан-Рыльский. Ни в коем случае не показывать его солдатам, а говорить — это фальшивка, это немецкая выдумка, потому что вреда он наделает много, если о нем узнают солдаты.

Демьян. В бутылку влезем, а узнаем.

Будан-Рыльский. Революция перепутала, как говорится, карты и поставила нас в трудное положение, но нет такого критического положения, из которого не было бы выхода.

Демьян *(скептически качает головой)*. Не хвались.

Офицер дворянин. Давал генерал задачу офицеру: «Два фланга вашей роты атакованы пехотой противника. Спереди на вас налетает конница, сзади бьет артиллерия, а над головой аэропланы бросают бомбы. Какую вы подаете команду?» Офицер отвечает: «На молитву, шапки долой!»

Демьян. Ну, если дело у вас доходит до молитвы, так, значит, солдат, радуйся.

Будан-Рыльский. Наше положение не такое уже трудное, как то, о котором вы говорите, поручик. Мы, как говорится, еще не освоились с новой ситуацией.

Офицер кадровик. Если свобода начинается с развала армии и с принципа выборности в войсках, то осиновый кол в спину такой свободе.

Офицер дворянин. Правильно.

Демьян. Вот сволочи!

Будан-Рыльский. Нельзя, господа, рубить с плеча. Сейчас нужна другая тактика: единственное оружие — слово.

Демьян. Баба ворожила, ворожила да голову сложила.

Офицер дворянин. Здесь слово поможет, как мертвому кадило.

Жухин. Господа, революция выбила нас из седла, и вы впали в отчаяние, а положение не такое уж страшное,—мы должны прежде всего объяснить солдатам смысл революции. Надо изменить также свои отношения к солдатам, стать с ними на равную ногу.

Демьян. Разве гусь коню товарищ?

Офицер дворянин. Как это либерально и гуманно! Все сделались социалистами-революционерами!

Жухин. Не в либерализме и не в социалистах-революционерах здесь, что называется, сила. Сила в той правильной линии, которую должны занять офицеры, чтобы повести, что называется, за собою армию.

Будан-Рыльский. Так вот, господа, положение, как говорится, аховое, но не безнадежное. Ближе к солдату! Говорите с ним, разъясняйте смысл переворота, валите на старую власть все наши неудачи, курс брать на партию социалистов-революционеров, — она всех помирит, она за войну и за дисциплину в армии. Узнавайте о настроении солдат. О приказе № 1 ни слова. Так, с богом, господа.

Свет в землянке выключается, Демьян отходит от землянки, бежит, затем останавливается.

Демьян. Ох, ох, Демьян! Милый ты мой Демьян. Полон ты теперь, как никогда, как клещ, напившийся крови из собачьего уха. Ах, офицерики!.. Бегу, бегу. *(Бежит. Входит Марина. Демьян останавливается.)* Сестрица, жалею, что вы не мужчина.

Марина *(удивленно)*. А что, Демьянка?

Демьян. Поцеловал бы вас... Такие новости!

Марина *(смеется)*. А разве мужчину приятнее целовать?

Демьян. Оно того... нет, но отвага здесь нужна.

Марина. Так, значит, революция?

Демьян. Самая настоящая... Между прочим, сестрица, не видели ли вы приказа № 1?

Марина. Он у меня есть.

Демьян. Да ну?.. Дайте мне его.

Марина достает листок, дает его Демьяну.

Марина. Вот он, порадуйте бойцов.

Демьян из ватной куртки достает пакет и отдает его Марине.

Демьян. Дар за дар... Это то, что сделало вас сестрою, а профессора заставило сделаться покойником. Теперь за эти документы с вас обоих награда причитается.

Марина. Милый Демьянка, ну какой же ты ловкач! *(Берет пакет и вынимает бумагу.)* Они оплаканы горькими слезами. Я буду хранить их, как кандалы и как святыню.

Демьян *(с гордостью)*. Да вот уж так, если Демьян за что возьмется, так ну... Побегу же я, сестрица, не терпится мне. *(Убегает.)*

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Разрез окопа девятой роты. Два конца его расходятся в стороны и теряются вдали. Широкий вход в окоп. Видна группа солдат. Среди них Дроб, Думака, Гузыр; они поют песню: «Сторона чужая».

Хор.

Сторона чужая, не родная мати,
А костей солдатских нагатили гати.
Эх, воюй, воюй, солдат,
Выступай за рядом ряд.
За горой, за лесом лихо смерть блуждает,
Черный ворон в гости воронов скликает.
Эх, воюй, воюй, солдат,
По земле ползи, как гад.
По сырым окопам гибнет люд рабочий,
Где-то дома женка проплакала очи.
Эх, воюй, воюй, солдат,
За царя и царенят.
Над землею тяжко ночь легла слепая.
У кого про сына матушка узнает.

Эх, воюй, солдат, воюй,
Кровь твою сосет буржуй.
Рассеваешь кости ты, солдат, по свету,
Дома голод, холод, горе без просвету.
Эх, воюй не так, солдат,
Поверни свой штык назад.

Во время песни по сцене ползет Д е м ь я н. *Не доходя до самого входа в окоп, подает команду.*

Д е м ь я н. Встать и встретить Демьяна!

Солдаты зашевелились, высыпают из окопа, окружают Д е м ь я н а.

П а т а п. Что шумишь, искровая рота?

Д е м ь я н. Братцы мои, революция!

Г о л о с а. Не врешь ли, давай факты!

Д е м ь я н. Царизм пал, министров арестовали. Новое правительство — Совет рабочих и солдатских депутатов. *(Потрясает приказом) № 1.)* Вот он, факт, вот приказ № 1, который прячут от нас офицеры. Профессор! Покойный профессор! Выписывайся из списка убитых, оживай, на, читай нам вслух.

Подбегает А л е с ь, *берет приказ № 1, мгновение смотрит на него, потом бросается на шею Демьяну, целует его.*

А л е с ь. Факт, товарищи, революция пришла. *(Читает.)* «Совет рабочих и солдатских депутатов постановил: 1. Во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах и на судах военного флота немедленно избрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей».

П а т а п. Братцы вы мои! Пиши — свое начальство будет!

А л е с ь *(читает)*. «2. Во всех воинских частях избрать в Совет рабочих и солдатских депутатов по одному представителю от рот, которым явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к десяти часам утра, второго сего марта».

Г у з ы р. Ах, душа из них вон! Половина марта, а мы ничего не знаем.

Г о л о с а. Сволочи! Смошенничать вздумали!

Алесь. Внимание, товарищи! *(Продолжает читать.)* «3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов к своим комитетам».

Голос. Молодцы, хорошо написано!

Алесь *(читает)*. «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую военную дисциплину, но в частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется».

Патап. Для генералов это — пиши — как гнилой селедкой по губам.

Алесь *(читает)*. «Равным образом отменяется титулование офицера «ваше превосходительство», «благородие» и т. п. и заменяется обращением — «гражданин генерал» «гражданин полковник» и т. д.»

Демьян. Да я его буду просто звать: «Эй ты, генерал, иди сюда».

Солдаты смеются.

Алесь *(читает)*. «Грубое обращение с солдатами и в частности обращение к ним на «ты» воспрещается». Подписано: «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов». *(Кончив читать, Алесь смотрит на солдат.)* Слышали, товарищи? Вот он *(потрясает приказом)*, наш солдатский закон! Упраздняется серая скотинка, солдат стал человеком-гражданином. Он освобожден от офицерского насилия и гнета. Да здравствует революция!

Солдаты. Ура!

Дроб выносит гармонь, играет залихватский мотив. Солдаты танцуют. Слышны крики: «Свобода!», «Революция!», «Наша берет!», «Ура рабочим, солдатам!»

Демьян. Внимание! Слушайте меня.

Шум смолкает.

Давайте дадим телефонограмму немцам.

Голоса. Правильно!

Демьян ищет, что надеть на штык. Наконец, догадывается, снимает сапог, разворачивает портянку, надевает ее на штык, вылезает на бруствер окопа.

Демьян. Германишам, братцы немцы!.. Сказал бы им по-немецки, да язык греческий. Гер-мер. У нас революция. *(Раздельно.)* Революция! Довольно воевать! Долой войну!

Из немецкого окопа слышны голоса: «Рус, рус, гох». Входит Будан-Рыльский, его не видят, он стоит молча, еле сдерживая гнев.

Патап. Долой продажную войну!

Демьян. Довольно воевать, долой братоубийственную войну!

Будан-Рыльский. Так.

Все солдаты повернулись. Пауза. Будан-Рыльский разозленный убегает.

Демьян *(вслед Будан-Рыльскому)*. Радовался старик, что пережил март! Ан в мае несут его на кладбище.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Тот же самый участок фронта. Ближе фронтовой тыл. Солдатский митинг. На митинге обсуждаются вопросы мира и войны.

Патап. Уже второй месяц, как началась революция, а мы все еще гнием в окопах. За это время побывало здесь много народу, разных представителей от разных партий. Что же они говорят? Они говорят: «Воюйте, воюйте, солдаты, обороняйте свободу, наши герои». Все они трубят в одну трубу — и меньшевики, и эсеры. Словом, товарищи, конца войны не видно. А как мы, солдаты, относимся к войне? У нас — так и пиши — одно желание: кончить ее как можно скорее.

Голоса. Верно! Правильно!

Патап. Кто же нас в этом поддержит? Кто высказывает наши наболевшие желания, наши чувства?.. Только одна партия большевиков. Большевики говорят нам: «Солдаты, вы сами кончайте войну, братайтесь с вашими противниками: они такие же, как и мы, рабочие и крестьяне, обманутые своими капиталистами и помещиками. Рабочим и крестьянам не нужна война. Она нужна капиталистам, она в их интересах. Мы свергли царя. Мы должны создать свое правительство, которое бы защищало интересы рабочих и крестьян. Так добивайтесь же, чтобы вся власть перешла к Советам». Правильно ли говорят большевики?

Голоса. Правильно!

Патап. Так давайте, товарищи, сами кончать войну. Давайте проведем братание с немецкими рабочими и крестьянами. Проведем организованно, целыми частями. Этим приблизим мир и конец войны. *(Достает пачку газет.)* Вот вам, товарищи, наша солдатская газета «Окопная правда». Ее пишут люди, которые стоят за мир, за нашего брата-солдата, за народ, за действительную свободу.

Солдаты нарасхват берут газеты; голоса: «Почитаем свою «Окопную правду». Довольно, покормили нас буржуи своими газетами».

Голос из толпы. Но нет ли здесь, товарищи, обмана? Их вождя Ленина немцы подбросили в Россию.

Алесь. Ложь, товарищи! Кадетская клевета, чтобы очернить партию большевиков.

Патап. Кто говорил, что Ленина немцы подбросили? Выступи здесь перед народом, мы послушаем и посмотрим, что ты за человек. Мы даем слово всем. Говори кто хочет, выходи же на народ.

Никто не выходит.

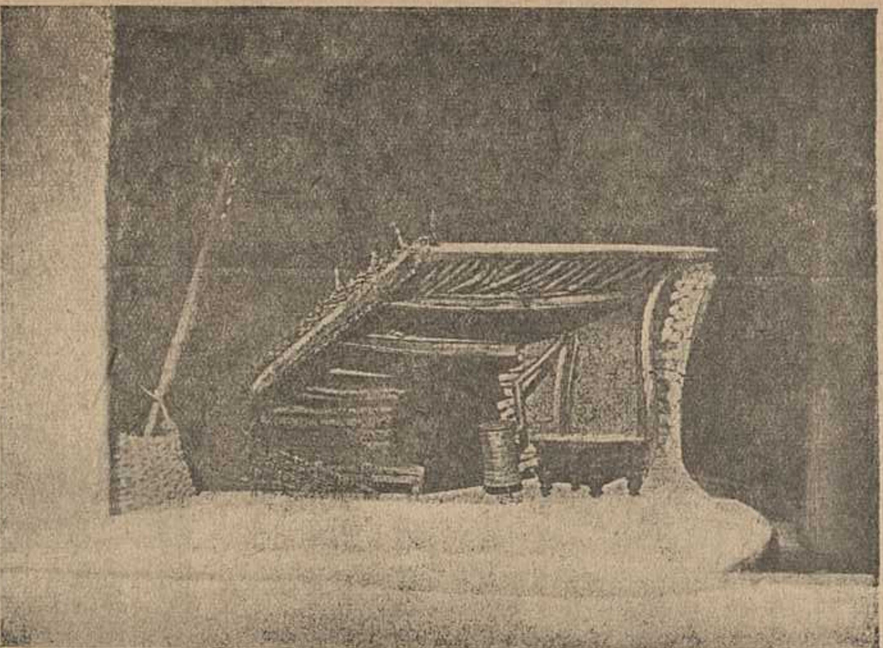
Голос. Это буржуйчик притаился здесь.

Алесь. Кто хочет еще говорить?

Голоса. Да ведь все ясно. Мы за большевиков.

— Мы сами будем кончать войну.

Алесь. Так, значит, товарищи, проведем широкое братание и другие роты и полки будем призывать к этому. Потому что только

Макет четвертой картины третьего акта.

Постановка 2-го Белорусского государственного театра.

таким образом можно добиться конца войны. На войну гонят рабочих и крестьян, а им война не нужна. Через братание, через разъяснение немецким товарищам, в чьих интересах война, мы сможем добиться конца войны. Согласны, товарищи?

Голоса. Согласны.

Алесь. Проголосуем. Кто за это, поднимите руки.

Солдаты дружно поднимают руки. Алесь радостно переглядывается с Патапом.

Митинг окончен. Будьте, товарищи, смелы, решительны, тверды, и мы своего добьемся.

Первый солдат. Ну, хлопцы, теперь держись. Наша судьба в наших руках.

Второй солдат. Чечевичку хлебать сейчас не будем, чорта с два.

Третий солдат. Вся власть Советам. Вот когда на нашей улице будет праздник.

Четвертый солдат. К жене своей вернусь... Свои же пустят...

Первый солдат. Братцы мои, приеду домой, а эту кочергу *(показывает на винтовку)* к чортовой матери.

Патап. Ну, нет. Эту кочергу при себе оставь. Потребуется еще.

Третий солдат. Я своему капитану за свои зубы счет подам.

Второй солдат. Ну, профессор, домой вместе поедем за компанию.

Солдаты расходятся с песнями. Алесь остается один на сцене. Песня солдат замирает вдали.

Алесь. Какая необычная для фронта тишина. Фронт замирает. Счастлив будет тот час, когда он замрет здесь навсегда. *(Пишет в свою книжку.)*

Издалека показывается Марина. Останавливается, осторожно осматривается, видит Алеся, быстро подходит к нему, мгновение стоит молча.

Марина. Так увлекся, что ничего не видит.

Алесь. Маринка?! Здравствуй, Маринка-Иринка! Пришла, не забыла?

Марина. Я никогда не забывала тебя, но сейчас я на минутку. Слушай, Алесь: то, что вы здесь делаете и собираетесь делать, известно там. Правда, что вы готовите массовое братание?

Алесь. Теперь это обычное явление. Этого же не спрячешь, и прятать не собираемся.

Марина. Вы обсуждаете и строите здесь планы по-своему, а там секретно готовят вам западню.

Алесь. Западню? Какую западню?

Марина. План их адский: «Мы, — говорит Будан-Рыльский, — подстроим так, что их братание сами немцы будут расстреливать». Берегитесь, вы можете погубить тысячи людей. Вас смешают с землей. Артиллерия предупреждена и приготовлена. Она на их стороне.

Алесь. Будан-Рыльский? Удачное имя! Будан — грязное рыло[1].

Марина. Ты все смеешься, Алесь, а у меня сердце не на месте, когда думаю, что тысячи людей погибнут.

Алесь. Спасибо за помощь. Значит, ты сейчас поняла, что правда на нашей стороне? Значит, ты пойдешь со мной?

Марина. Всюду с тобой. Я верю теперь только тебе и Патапу. Жизнь на фронте открыла мне глаза. Я все время оберегала вас и помогала вашему делу. Знаешь, мне иногда кажется, что они догадываются о моей роли, но не это меня страшит... *(Обрывает разговор.)*

Пауза.

(Другим тоном.) Ну, прощай! А если узнаю о чем, скажу. *(Уходит.)*

Алесь *(смотрит ей вслед)*. Ушла. И как будто унесла часть меня с собой. А хотелось сказать так много. И такого сердечного. *(Сидит молча, склонив голову.)* Узнали... Строят западню... Как же быть?..

Входят Максим Кучерявый и Патап.

---

[1] Игра слов: бруда — грязь, по-белорусски: будан — брудное рыло.

Алесь. А, товарищ Максим. Хорошо, что ты пришел. Иди, брат, сюда.

Патап. Что ты, профессор, спрятался здесь?

Алесь. Дело, товарищи, такое, что одной профессорской головы мало.

Патап. Ну?

Алесь. Будан-Рыльский пронюхал о братании.

Патап. Ну, так что? На это нюха особого не надо иметь.

Алесь. Дело в том, что он готовит нам западню. Подготовили артиллерию расстреливать братающихся.

Патап. Это факт?

Кучерявый. Я этого и опасался: в артиллерии много офицеров и вольноперов.

Патап. А ты откуда узнал?

Алесь. Марина сказала.

Кучерявый. Марине верить можно. Я наблюдал за ней. Она наша.

Патап. Ну, что ж! Отступать нельзя, профессор.

Алесь. Нельзя... Это ясно. Но если мы провалим братание, то мы дискредитируем и самую идею его.

Кучерявый. Надо дело повести так, чтобы провала не было. Слушайте...

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

Действие переносится в офицерскую землянку. В землянке Будан-Рыльский и три ротных командира.

Будан-Рыльский. Почему большевизм заливает тыл и так остро поражает своей гангреной фронт? А потому что большевизм говорит солдатам: «Гони своих офицеров, они твои классовые враги и стоят за войну. Отнимай землю у помещиков и фабрики у фабрикантов, и ты станешь богатым».

Жухин. Этого мало, господин капитан: большевики дали понять солдату и убедили его в том, что война для него не имеет смысла как грабительская война в интересах богатых классов... Они проповедуют другую войну...

Вбегает офицер.

Офицер *(взволнованно)*. Господин капитан! Второй и третий батальон, две роты первого полка выступают из окопов под белым флагом брататься. Выступление начинает девятая рота.

Будан-Рыльский. Спасибо, поручик. *(Офицерам.)* Следить за движением изменников. О каждом движении докладывать мне.

Офицеры выбегают из землянки, смотрят в бинокли. Будан-Рыльский бросается к телефону.

Алло! Батарея? Капитан Шумяцкий? Здравствуйте! Говорит капитан Будан-Рыльский. Будьте готовы. Сектор три, квадраты № 13 включительно по № 24 исключительно... Очень рад! Так, так. Благодарю.

Офицер. Господин капитан! Девятая рота выходит с белым флагом, появляются одиночные люди на участках десять и одиннадцать... Толпа увеличивается. Ряды густеют. Стоят на месте... Показываются немцы. Накопляются. Фронт ширится... Господин капитан, пора!

Будан-Рыльский *(хватая трубку телефона)*. Алло! Алло! Капитан Шумяцкий? Открывайте огонь! Сектор три, квадраты № 13, 14. *(Вешает трубку.)*

Офицер. Господин капитан... Самое время... Тысячи...

Будан-Рыльский *(нервно)*. Что же они не стреляют? *(Берется за телефонную трубку.)*

Гремит орудийный залп.

(Отходит от телефона, радостно крестится.) Слава богу... Наблюдайте, господа офицеры, взрыв.

Тишина. Офицеры стоят и смотрят в бинокли. Звонок телефона.

(Снимает трубку.) Алло! Я, я... Что?.. В противоположную сторо-

ку?.. Сволочи! *(Бросает трубку, с яростью бьет кулаком по телефону. К офицерам.)* Повернули жерла орудий в противоположную сторону. Выстрелили один раз... в штаб дивизии. Артиллеристы также братаются с пехотинцами, мерзавцы, негодяи!

Офицер. Какая мерзость! Какой позор!..

Второй офицер выхватывает револьвер, чтобы стрелять в солдат, его удерживают.

Жухин *(безнадежно)*. Лишние мы здесь и ненужные.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Ближайший прифронтовый тыл. Просторный пустой двор, заполненный солдатами. На переднем плане Дроб и Гузыр. Солдаты ходят по двору взад и вперед. Одни входят, другие выходят. Кто-то тихо поет с грустью: «Эх, ты, горе наше».

Дроб *(сидит на бревне, курит папиросу)*. Провинились, значит, перед буржуями. Как заразную роту вывели из окопов. *(Смеется.)* Ну и злости было у Будан-Рыльского! Вот, думал, грохну, а оно ничего не вышло.

Гузыр. Отделили, чтобы легче было справляться. За дисциплину берутся. Керенский, слышь, на фронт едет. Строгость. Снова в наступление гнать будут.

Дроб. Пусть Керенский сам и наступает. Какой дурак будет наступать ему. Самому, наверное, наступили на мозоль, так он и вертится.

Гузыр. Смотри, чтобы и нас не завертели.

Дроб. Пусть он лучше сам себе голову свернет. *(Вынимает из ватной куртки какую-то вещь, завернутую в газету.)*

Гузыр. Судят же нас, Паулюк, слышал? За братание.

Дроб. Пускай судят. Присудят высылку в Сибирь, так чем же хуже Сибирь войны? *(Меняет разговор.)* Ловкие черти эти немцы.

Какие хорошие вещи вырабатывают. Вот ты посмотри, Андрей, какую хорошую бритву подарил мне на память немецкий солдат.

Гузыр *(рассматривает бритву).* Хорошая бритва.

Голос. Товарищи, сюда!

Дроб хватает бритву. Со всех уголков двора сбегаются солдаты, сбиваясь в круг. На колодке, в середине круга, стоит Патап.

Патап. Товарищи! Мы только что узнали о том, что нас сейчас придут обезоруживать. Полковой суд, где было большинство офицеров и прислужников буржуазии, постановил расформировать нашу роту за то, что мы проводили братание.

Кучерявый. Товарищи, помните, мы твердо постановили не подчиняться никаким их судам. Запомните это.

Дружные голоса. Не сдаваться! В штыки взять их суд!

Демьян *(вскакивает на колоду).* Товарищи! Надо стоять твердо до конца. Винтовок из рук не выпускать. Они за войну до победного конца, а мы за свою войну, и если мы допустим, чтобы нас обезоружили, то мы не солдаты. А если позволим арестовать кого-либо из нас — мы не товарищи.

Голоса. Идут, идут!

Показывается Будан-Рыльский, с ним группа солдат и офицеров. Рота смолкает. Будан-Рыльский с группой подходит ближе. Будан-Рыльский отделяется на несколько шагов от группы, подходит к роте.

Будан-Рыльский. Ну-с, так называемые солдаты! Мы пришли сюда за поручением полкового комитета. Полковой комитет вместе с представителем Временного правительства и армейского комитета рассмотрел, как говорится, дело солдат девятой роты. *(Вынимает бумажку и читает.)* «За измену родине, что выразилось в форме поголовного братания с врагами, роту обезоружить и расформировать.

Приходит Марина, встревоженная, останавливается сбоку, прислушивается.

Рядовых Макара Макарука, Демьяна Дзяменю, Патапа Думака как

зачинщиков и подстрекателей арестовать и судить военным, специально выделенным судом».

Алесь. А рота поручила мне заявить, что постановление чужого и враждебного комитета она не признает и подчиняться ему не будет. Это одно. Второе: Макар Макарук убит в бою двадцатого ноября прошлого года.

Патап. Судить любите, гражданин капитан! Судили, будучи земским начальником, и теперь судите. Но покойного Макара Макарука напрасно осудили. Как его сейчас арестуешь? Пиши — пропало!

Демьян. Покойников судят. Вот какая их правда. Я тоже покойник, если уж на то пошло.

Будан-Рыльский. Мерзавцы! Что за шутовство?!

Новые голоса. От мерзавца и слышим. Вон, старорежимщик!

Будан-Рыльский отступает на шаг, свистит в свисток. Марина стоит, сжав кулаки. Порывается итти, но сдерживается. К ней подходит Будан-Рыльский.

Будан-Рыльский. Любите батальные сцены? Идите отсюда, вам здесь не место.

Слышен частый барабанный бой, появляются солдаты в полной боевой готовности. Впереди офицер. Оборачивается назад, рукой подает знак прекратить барабанный бой. Подходит к Будан-Рыльскому. Напряженная тишина. Офицер берет под козырек, рапортует.

Офицер. Господин капитан! Батальон в составе восьмисот штыков при восьми пулеметах прибыл!

Будан-Рыльский. Вы поступаете в мое распоряжение, ваша задача обезоружить сейчас же эту банду, не останавливаясь ни перед какими мерами.

Офицер *(берет под козырек).* Слушаю, господин капитан! *(Своим солдатам.)* Занять указанные позиции и ждать моего приказа. Поставить пулеметы на переднюю линию. *(Обращаясь к солдатам девятой роты.)* Приказываю сейчас же сдать винтовки и амуницию!

Солдаты девятой роты молчат, не двигаются.

Еще раз и в последний раз повторяю — сдать винтовки и амуницию.

В рядах девятой роты колебание. Некоторые солдаты делают движение для выполнения приказа. Два человека выходят из рядов, чтобы сдать винтовки, их не пускают. Слышны голоса: «Изменник!», «Трус!», «Позор!». Из рядов солдат-усмирителей выходит с о л д а т.

С о л д а т. От имени солдатского комитета фронтовиков приказываю безотлагательно выполнить приказ. Церемониться с вами не будем.

Колебание в рядах девятой роты увеличивается. Еще несколько с о л д а т *выходят, отдают винтовки.*

А л е с ь *(врывается на середину сцены, сжимает кулаки, потрясает ими. Солдатам, сдавшим винтовки)*. Позор и срам вам! Вы не товарищи. *(Обращаясь к усмирителям.)* Товарищи! Разве вы поднимете руку на своих братьев? На свободу, которую мы завоевали своей кровью?!

Б у д а н-Р ы л ь с к и й *(в бешенстве бросается к Алесю с наганом в руках)*. Заткни глотку, немецкий агент! Шпион! Взять его!

Солдаты-усмирители окружают Алеся.

П а т а п. Не позор ли вам, товарищи? Вас привели, как полицейских, и вы по-полицейски действуете!

Б у д а н-Р ы л ь с к и й. Заткни глотку, немецкий агент! Довольно большевистских митингов!

Среди солдат шум. Шум перекатывается и по рядам солдат-усмирителей.

Г о л о с а и з р я д о в у с м и р и т е л е й. Дать ему сказать! Так нельзя. Это не старый режим.

Б у д а н-Р ы л ь с к и й *(дрожа от ярости)*. Не сметь митинговать! Запрещаю!

Шум нарастает. О ф и ц е р *смущенно оглядывается.* М а р и н а *срывается с места, встает перед строем.*

М а р и н а. Братья солдаты! Родные, опомнитесь!

Шум смолкает. Выступление Марины *производит большое впечатление своей неожиданностью.*

Одумайтесь, что вы делаете! Вашими руками здесь расчищают дорогу нашей неволе. Они здесь копают могилу вашей свободе и бросают вас брат на брата. Поймите вы это!

Будан-Рыльский. Шпион! Провокатор!

Алесь *(вырывается из группы конвойных, подбегает к Марине, Будан-Рыльскому).* Не смей оскорблять женщину, сволочь, царский холуй!

Будан-Рыльский, дрожа как в лихорадке, поднимает наган, стреляет в Алеся, но Марина успела его закрыть своей грудью. Марина хватается за бок, падает. Среди солдат шум. К Будан Рыльскому подбегает офицер. Слышен его голос: «Что вы сделали, капитан?!» Офицеры быстро уходят. Голоса солдат: «Убили женщину!», «Сестру убили!», «Держи убийцу!». Солдаты-усмирители с солдатами девятой роты толпятся около Марины. Алесь расстегивает на ней куртку, из кармана виден край пакета. Берет руку Марины, слушает пульс. Будан-Рыльский, пользуясь шумом и суматохой, тихонько убегает.

Алесь. Жизнь кончена. *(С болью.)* Прости, Маринка! Мою пулю приняла ты в сердце. Насильники! Убийцы! Палачи! Перед судом народа вы ответите за эти человеческие мучения, слезы и горе.

Вбегает Демьян, останавливается перед трупом Марины.

Демьян. Сестрица, родная наша! *(Сжимает кулаки.)* Убийцы! Не спрячетесь! Ответите кровью за кровь!

Патап *(оборачивается в ту сторону, куда убежал Будан-Рыльский).* Запиши это на своем каиновом лбу!

Кучерявый. Вот она, отвратительная и подлая расправа! Вот они, наши классовые враги! Борьба только начинается. Товарищи! Организованно, дружно возьмемся за дело! За общее дело!

ЗАНАВЕС

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Та же деревня, что и в первом акте. П о п *ловит удочками рыбу. К нему подходит* Б у х р а й.

Б у х р а й *(хитро, с намеком).* Вот, батюшка, и воду нам замутили, а рыбка что-то не ловится.

П о п. Что замутили, то замутили. И чем дальше, тем хуже.

Б у х р а й. И как же это можно, чтоб без начальства? Ну что такое народ без твердой власти? Ни села, ни пала, а уже ходят саженями и землю измеряют. Сегодня помещичью, а завтра мою и батюшкину.

П о п. Ах, и не говорите, Яковлевич! *(Забрасывает удочку.)*

Б у х р а й *медленно отходит, укоризненно кивая головой. Пауза.*

(Смотрит на поплавки.) Ох, господи, боже мой! И рыба не клюет. Дух большевизма всю природу обуял.

Издалека выходит человек, одетый по-солдатски.

Что это за солдат, не агитатор ли их, чтоб он голову свернул? Или это какой-нибудь бандит, реквизитор?

Идет Ш ы ш л о, *одетый солдатом.*

Ш ы ш л о *(издалека).* Мое почтение, отец Кондратий.

П о п *(неприветливо, понуро).* Здравствуй. *(Подозрительно осматривает.)*

Ш ы ш л о *(подходит, останавливается).* Не узнали, да, собственно, да?

Поп *(радостно)*. Артем Иванович?! Простите, не узнал сразу. Думал, реквизитор большевистский. Ха-ха-ха. Если бы не ваша приговорка, так и не узнал бы, истинный бог.

Из-за угла показывается Каралина. Увидев попа и Шышло, подается назад. Останавливается, прислушивается к разговору, реагируя мимикой.

Шышло. Я же и хочу, чтобы меня не узнавали. Инкогнито хожу, да, собственно, да!

Поп. Так, так... Я вас понимаю, господин Шышло... Есть какие-нибудь новости?

Шышло. Вы скоро услышите и увидите их своими глазами, отец Кондратий, а Шышло дело делает, да, собственно, да. *(Меняет тон.)* Скажите, отец Кондратий, кто были застрельщиками в разграблении имения Будан-Рыльского... и вообще? Имею поручение срочно собрать сведения.

Поп *(боязливо осматривается)*. Я их всех знаю. Зайдем ко мне, Артем Иванович.

Поп пропускает вперед Шышло, оглядывается, уходят. Каралина несмело высовывает голову, смотрит им вслед, потом делает два шага вперед, останавливается, стоит, кивая головой. Грозит пальцем в ту сторону, куда ушли поп и Шышло.

Каралина. Шышло!.. Шышло!.. Царь полицейский. Ходит солдатом. Солдатом, мои милые. А какой страшный. Солдатом ходит. Из белого в серенького превратился. *(Сразу смолкает, прикладывает палец к кончику носа.)* Но зачем он усы остриг, милые вы мои? Неужели для того, чтобы быть красивее? Вот комедия!.. Пойду, пойду же я от вас дальше. *(Уходит.)*

Входят дед Микита и Аслав с саженью.

Дед Микита *(продолжая разговор)*. Паны себе так думают: «Не нравились вам паны и буржуи, прогнали их, так попробуйте жить без нас». Это значит, слышь, дурень-брате, чтобы мы им снова руки целовали.

Аслав. Пускай им лучше сырая землица глаза зацелует.

Дед Микита. Люди же, слышь, дурень-брате, говорят, что они заграницу сюда готовятся позвать, чтоб сбросить большевиков, свободу и землю отобрать.

Аслав. Но от земли мужика, пока мужик живет, никто не оторвет.

Дед Микита. Ну это, слышь, дурень-брате, смотря кто как рванет.

Неподалеку слышна песня Каралины.

Сидит зайчик на межи,
Что он думает, скажи,
Зайка с поля в лес бежит.
Добре зайке в лесе жить.

Дед Микита. Ты вот заметь, Аслав, вот уж сколько раз я примечаю, что как только покажется она, так сейчас же какая-нибудь беда за нею вслед. Противная, слышь, дурень-брате, женщина.

Каралина. Живы еще, мужички? Живите, живите, старые осины. А вы слышали, что полицейский царь сделался сереньким и усы остриг? Вот комедия! Ха-ха-ха! *(Заливается долгим, глупым смехом.)*

Дед Микита. Тьфу!

Аслав. А ты, Каралина, ловко смеешься.

Каралина *(не слушая)*. Да чего смеюсь? Здесь, может, плакать нужно, а я смеюсь.

Дед Микита. Иди ты, слышь, дурень-брате, куда идешь.

Каралина. Ох, какой говорливый. Ты смотри, летучая мышь летает. *(Набрасывается со смехом на Микиту. Уходит.)*

Дед Микита *(плюет)*. Тьфу! Плетет неизвестно что, даже слушать тошно... и живут же такие люди на белом свете.

Вбегает Гараська.

Гараська *(испуганно)*. Дедушка! Какие-то солдаты пришли с офицерами! Обыскивают дворы.

Дед Микита *(встревоженно)*. Какие солдаты? Откуда?

Аслав (*пугаясь*). С офицерами? Ну, уж добра не будет! А может, это немцы?

Осматриваются и беспомощно топчутся на месте. Слышен топот лошадиных копыт. Лай и вой встревоженных собак. Голоса испуганных людей и крики. Четко доносится чей-то начальнический голос: «Сносить вещи на площадь. Туда же вести и подстрекателей».

Дед Микита. Что же это такое?

Гараська. Удирайте, дедушка, прячьтесь.

Аслав. Вот не было еще беды!

Дед Микита, Аслав и Гараська бросаются к площади. Неожиданно им преграждает дорогу солдат с винтовкой.

Солдат (*грозно*). Стой на месте!

Дед Микита, Аслав и Гараська немеют и застывают на месте. Выходит Будан-Рыльский, суровый и грозный. За ним под конвоем идут крестьяне. Несут мягкую мебель, зеркала, диван, столики, ковры и другие вещи из помещичьей усадьбы. Трое солдат Будан-Рыльского ведут Михася, Дробу и Гузыря. Сзади, на некотором расстоянии, за ними идут жены и Настя. Жены плачут, причитая. Слышны голоса: «За что вы их взяли?», «Куда ведете?», «Разбойники!», «С немцами воевать не умели, а с безоружными женщинами вы ловки».

Настя. Михаська, родной, за что тебя, что же это делается?

Будан-Рыльский. Молчать, хамье!

Гараська (*увидев отца под конвоем, бросается к нему*). Папа, папочка!

Будан-Рыльский (*бьет Гараську нагайкой*). Назад, щенок!

Гараська с криком «ай-ай» бросается бежать.

Михась. Не сметь бить мальчика!

Будан-Рыльский. Хам распоясавшийся! Шпана большевистская! С кем говоришь? Руки по швам!

Дед Микита. Да что вы делаете? За что издеваетесь, за что мучаете нас?

Будан-Рыльский *(деду Миките)*. Молчать, пугало старое! *(Офицеру.)* Взять этих доморощенных мудрецов и всыпать по пятнадцать шомполов каждому.

Офицер и двое солдат хватают деда Микиту.

Дед Микита *(отбиваясь)*. Вонючки вы, слышь, дурень-брате, куда лезете?

Бабка Татьяна. О баринка, о дорогой!

Женщины начинают плакать; их окружает конвой.

Будан-Рыльский. Послушали большевиков, агитаторов: «забирай, мол, барское добро, уничтожай помещиков», вы думаете, мне жалко этого хлама? Да я плюю на него. *(Шашкою рубит мебель и ломает ее.)* Я выбью так же большевистский дух из ваших голов.

В это время на колокольню вбегает Гараська. Начинает звонить. Будан-Рыльский и его солдаты испуганно зашевелились.

Будан-Рыльский *(грозным тоном)*. Кто разрешил поднимать тревогу?

Голос. Лес подожгли! *(Общее движение.)* Пожар!

Через площадь изо всех сил бежит солдат с винтовкой. Издали кричит: «Господин капитан! Спасайтесь! Красная армия окружает». На бегу бросает винтовку, сбрасывает шинель и убегает.

Будан-Рыльский *(выбегает на площадь, подает команду)*. Солдаты, ко мне! По коням!

Где-то за селом затрещал пулемет. Среди солдат Будан-Рыльского паника. Конвойные бросают арестованных. Михась набрасывается на одного из конвойных, валит его на землю, вырывает винтовку. Общая суматоха. Народ разбегается. Поп и Бухрай, которые смотрели на экзекуцию, прячутся. С разных сторон площади показываются бойцы: в шинелях, кожаных куртках, с гранатами за поясами и пулеметными лентами через плечо. Дед Микита поднимается с земли, недоуменно осматривается. Будан-Рыль-

ский, брошенный своими солдатами, пытается уйти. За ним бежит Шышло, *потом сворачивает в другую сторону. За сценой голос: «Стой, руки вверх!» Слышен выстрел из нагана. Возня, топот людских ног, голос: «Плохи твои дела, капитан!» Входит с воинственным видом* Патап, *за ним идет бледный без фуражки и обезоруженный* Будан-Рыльский *под конвоем* двух матросов. *На сцене* Настя, бабка Татьяна, дед Микита, Михась, Аслав, Дроб, Гузыр. *Сбоку подходит толпа мужчин и женщин.*

Патап (*останавливаясь, показывает рукой на диван*). Прошу садиться, капитан! Здравствуйте, братцы, дядюшки и тетушки.

Голос. Да это же Патап Думака!

Михась, Гузыр, Дроб. Патап! Родной! Браток! (*Окружают его, радостно жмут ему руку.*)

Дед Микита (*в радостном порыве*). Избавители наши! (*Обнимает Патапа, прослезился, вытирает глаза.*)

Бабка Татьяна. Что же это делается на свете?

Настя. Боже мой, что же они хотели делать с нами?

Аслав. За что, я спрашиваю, за что?.. Эх, Патап... Помню спрашивал ты: «зачем поп и полицейский стражник существуют?» А зачем этот (*показывает на Будан-Рыльского*) варвар существует?

Голоса. Это все одна компания.

— Камень ему на шею, да в омут!

Будан-Рыльский. За мое уничтожение ответите перед законной властью.

Дед Микита. Видели ли вы, какая недотрога? Молчи, слышь, дурень-брате, а то сейчас хлопну по твоему рылу.

Патап. Разберемся, товарищи, по справедливости разберемся.

Входят Алесь *и* Демьян. *За ними* красногвардейцы *ведут* арестованных; *среди них* Шишло. *Его не узнают, он затерялся в группе арестованных.*

Алесь (*обращаясь к народу*). Здравствуйте, товарищи!

Собирается большая толпа.

Голос. Алесь Петрович?!

Гузыр. Профессор?

Дроб. Наш учитель?

Дед Микита. Мой квартирант! Родной ты мой, слышь, дурень-брате!

Алесь *(подходит к Будану-Рыльскому).*

Пауза.

Спросите, товарищи, этого атамана, где наша учительница Марина Николаевна.

Демьян. Один ее убийца пойман. Вот он. Попался, который кусался. А где Шышло, который был здесь урядником?

Аслав. Он, сынок, еще до революции пронюхал, чем ветер пахнет, и ушел отсюда, как таракан перед пожаром.

Шышло сидит ни живой, ни мертвый. Прибегает Гараська, взволнованный и радостный.

Гараська *(гордо).* А это я сбегал на колокольню и в пожарный колокол позвонил, чтобы собрались люди и нас спасли. Вот они и пришли. *(Радостно смеется.)*

Голос. Молодец, Гараська, смышленый малый.

Матрос. Что же мы, товарищи, будем здесь почетным караулом стоять? Пора кончить с этими гадами. *(Кивком головы показывает на арестованных.)*

Голоса. Судить их!

Гузыр. Какой там суд?! Я его, сукина сына, еще на фронте хотел на штык посадить, да вы, товарищи, удержали меня... А жаль!..

Дед Микита. Батюшка нам говорил: «Какой мерой вы меряете, такой отмерят и вам». Так вот надо им отмерить так, как собирались они, слышь, дурень-брате, отмерить нам.

Голоса. Правильно!

Патап. Мы, товарищи, солдаты революции. А суд — не наша область. Есть особые органы пролетарской диктатуры, они и будут судить их. Так вот, гражданин Будан-Рыльский, вы обещали поговорить с нами. Говорили мы с вами на фронте, да всего, как видно,

не договорили... Делать суд здесь над вами не будем. В ЧК о вас собран богатый материал.

Будан-Рыльский. Прошу нотаций мне не читать и не оскорблять меня.

Алесь *(с ненавистью смотрит на него)*. Разве можно оскорбить убийцу и бандита?!

Патап *(матросам)*. Уберите его отсюда, товарищи, чтобы он глаза не мозолил, да охраняйте его крепко.

Голос. Здесь бы его прикончить.

Входит Каралина, опираясь на длинную палку. Останавливаясь, всматривается в людей.

Каралина. Сколько народу, люди мои милые! Знакомые и незнакомые. *(Всматривается в Шышло, заливается смехом.)* Ха-ха-ха! Посмотрите, какой он смешной!

Демьян. Кто, тетка, смешной?

Каралина. Ну, кто ж?.. Он — царь полицейский. И усы остриг. Думает, что так лучше... Комедия, да и только...

Демьян. Покажи, покажи нам, тетка, царя полицейского.

Каралина. Боюсь, миленькие, он же меня нагайкой стегал, шашкой хотел зарубить... Вот он. *(Показывает на Шышло.)*

Шышло *(от страха переменился в лице)*. Что ты клевещешь на меня? Какой я тебе царь полицейский, да, собственно, да?

Дед Микита. Задакал, слышь, дурень-брате. Да это он, Шышло.

Михась. А, так вот оно что... А я смотрю, откуда он меня знает?

Шышло. Вот ситуация...

Голоса. Фараон!

— Адъютант Рыльского!

— Списки подавал ему!

Демьян *(Шышло)*. А ну, дядька, покажись! Он, он. Вот приставь к нему усы и будет целый Шышло.

Шышло. Господа, товарищи! Я не Шышло, ей-богу, не Шышло! То был другой Шышло, а я — Кондрашкевич. Так и в удостоверении отмечено, да...

Финальная сцена.

Постановка 2-го Белорусского государственного театра.

Д е м ь я н. Договаривай уж — «собственно, да»!

Шышло достает документы. Вместе с документами нечаянно вынимает и бумажку, за которую с испугом хватается, пытаясь спрятать.

Д е м ь я н. Давай! Давай! Все показывай. *(Собирает бумаги, передает Алесю.)*

А л е с ь *(разворачивает, читает)*. «Список лиц села Загоруйки, которые замешаны в разграблении усадьбы господина Будан-Рыльского...» Ты писал список?

Ш ы ш л о *(сконфуженно)*. Нет... не я! Это поп. Это не я писал.

А л е с ь *(вынимает из своего кармана пакет, достает исписанный листок бумаги, подносит его к носу Шышло)*. Узнаешь этот документ?! «Его высокоблагородию господину приставу третьего стана». Что же молчишь? *(Обращается к народу, поднимает список и донос приставу.)* Товарищи! Одна рука — рука доносчика, шпиона, закоренелого врага народа — писала и список этот и донос на меня и учительницу Марину Николаевну.

Ш ы ш л о *(падает на колени)*. Простите мне, товарищи!

Г о л о с а *(возмущенно)*. К стенке его!

— Расстрелять доносчика!

Шышло уводят под конвоем.

А л е с ь. Вот документы человеческих мучений, слез и крови. И это все, что осталось мне на память о самом близком для меня человеке. Вот частичка ужасной повести о борьбе за нашу правду.

Пауза.

Товарищи! Люди, которые жили этой правдой, часто гибли за нее. Но сама идея правды живет. Война за нашу свободу, за наше счастье не окончена, она только начинается.

П а т а п. Товарищи! Мы остановились здесь ненадолго. Вы видели эту банду. Нам известно, что на юг пробирается целый эшелон таких же белых бандитов. Мы должны перерезать им путь и обезвредить их. А вы, товарищи, помогите нам. Для нас дорог каждый боец, каждый фунт хлеба. Какой ваш ответ будет, товарищи?

Бабка Татьяна. О голубки мои, снова война... Да когда же ей конец?..

Голос. Снова мобилизация? Ох ты, горе наше!..

Михась. Война? Мобилизация? Да... Мобилизация и война, но эта наша война. Война за наше счастье, за нашу свободу. Если мы не будем воевать — снова придет помещик Будан-Рыльский и полицейский Шышло. Мы уже стояли под расстрелом — снова будем стоять. Мы можем надеяться только на себя... Запиши меня в Красную гвардию.

Гузыр. И меня пиши.

Дроб. А я что? У бога теленка украл? Пиши, брат, и я с вами.

Демьян *(подбегает к записавшимся)*. Братцы мои, орлы боевые! Будем вместе крошить белую кость.

Голос из толпы. Записывай!.. И меня запиши!

Настроение поднимается. Слышатся голоса: «Сами за себя воевать будем!», «Смерть буржуям!»

Гараська *(подходит к Алесю)*. И я хочу на войну, запишите и меня.

Дед Микита. А с кем же я останусь? Ты же сейчас единственный хозяин дома у нас, слышь, дурень-брате.

Идет Дроб в шинели и с солдатской сумкой. Через плечо надета солдатская труба. Дроб играет на гармошке веселый мотив.

Патап *(сбрасывает фуражку)*. Товарищи! В поход! Командиры по местам! Играй сбор, Паулюк!

Паулюк снимает трубу и играет сбор.

Дед Микита. Ах, Аслав, Аслав! Нет, ушла наша молодость. Эх, старость! А то бы пошли добывать свою свободу и счастливую жизнь.

Красногвардейцы собираются, строятся в колонну. Колонна двигается. Алесь, Демьян, Патап и другие снимают фуражки, машут ими на прощанье. Голоса: «Счастливо оставаться!», «Счастливой дороги!»

Голос. Да здравствует Красная гвардия!

Красногвардейцы поют песню.

Запевало.

Двинем всем народом дружно
На буржуев в смертный бой.
Словом правды и оружьем
Сокрушим гнет вековой.

Хор.

Эй, горнист, играй в поход.
Дружно, армия, вперед!

Женщины выбегают из своих домов, окружают уходящих красногвардейцев, дают им на дорогу продукты, белье, узелки и пр.

Аслав. Правда твоя, Микита... Почему нам не по двадцать лет?!.

Запевало.

Чтоб покончить с белым сбродом,
Выступаем в смертный бой.
К нам под знамя всех народов
Люд сойдется трудовой.

Хор.

Эй, горнист, играй в поход.
Смело, братики, вперед!

Запевало.

Развевайся, стяг червонный,
В высоте огнем пылай,
И над миром полоненным
Ясным солнцем заиграй.

Хор.

Эй, горнист, играй в поход.
Дружно, армия, вперед!

З а п е в а л о.

Развязал нам Ленин очи,
Рассказал, где счастье, мир.
Развернись же, люд рабочий,
Во всю мощь свою и ширь.

Х о р.

Эй, горнист, играй в поход.
На врагов идет народ!

Занавес опускается, но песня еще долгое время слышна: через громкоговоритель в зал, коридор, выходной вестибюль и на улицу, вслед уходящим зрителям.

КОНЕЦ

ЧИТАТЕЛЬ И РАБОТНИКИ ТЕАТРА!

Издательство просит вас сообщить: отзыв об этой пьесе, какой театр ее ставил (профессиональный, самодеятельный кружок и др.), как воспринята пьеса зрителями.

Напишите, какие пьесы вы желали бы поставить в вашем театре или драмкружке.

Пишите по адресу:

Москва, Кузнецкий Мост, 22, Государственное издательство «Искусство», сектор драматургии.

Редактор *Л. Циковский*. Техн. редактор *Н. Мурашова*.
Обложка *Н. Астафьева*. Выпускающий *В. Дорофеев*.

Сдано в производство 25/X 1937 г. Подписано в печать 16/I 1938 г. Формат 70×108[1]/[32]. Печ. л. $2^1/_2$. Тираж 5000. Уч. авт. л. 4,2. Изд. № 600. Инд. Т-4. Уполном. Главлита № Б-31599. Заказ № 3602.

Цена 1 р. 70 к.

...изд-ва „Искусство" „Красный печатник", Москва, ул. 25-го Октября, 5.

B0000004162754